

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУДЬБА
КОНСТАНТИНОПОЛЯ,
БАЛКАНСКИХЪ НАРОДОВЪ

И ОТНОШЕНИЕ ИХЪ КЪ РОССИИ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИМЪ ГОСУДАРСТВАМЪ.

СОСТАВИТЬ

Д-ръ И. Тамамшевъ,

по своему сочинению, изданному въ 1887 году въ вѣнѣ.
«DER KAMPF UM CONSTANTINOPOL» (БОРЬБА ИЗЪ-ЗА КОНСТАНТИНОПОЛЯ).

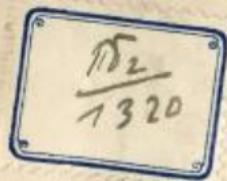
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Спороходова (Надеждинская, д. 39).

1887.

10
052

THE HISTORY OF THE
AMERICAN REVOLUTION
BY JAMES BROWN THOMAS
WITH A HISTORY OF THE
AMERICAN REVOLUTION

УЧЕБНАЯ БИБЛИОТЕКА
Н. Вр. 52081

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУДЬБА КОНСТАНТИНОПОЛЯ,

БАЛКАНСКИХЪ НАРОДОВЪ

И ОТНОШЕНИЕ ИХЪ КЪ РОССИИ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИМЪ ГОСУДАРСТВАМЪ.

— ◊ —
Ревизор
СОСТАВИЛЪ

Д-ръ И. Тамамшевъ,

по своему сочинению, изданному въ 1887 году въ вѣнѣ.
«DER KAMPF UM CONSTANTINOPEL» (БОРЬБА ИЗЪ-ЗА КОНСТАНТИНОПОЛЯ).

— ◊ —
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. № 39).

1887.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 августа 1887 г.

В В Е Д Е Н И Е.

Минуло уже слишкомъ полторы тысячи лѣтъ съ того времени, какъ древняя греческая колонія Византія стала резиденціею Константина Великаго и столицею обширной Римской имперіи. Послѣдня, ослабленная внутри многими неурядицами, а извѣстными нападеніями дикихъ варваровъ, стала клониться къ упадку и распаденію, но мощная рука Константина Великаго, перенесшаго столицу изъ Рима на берега Золотаго Рога, отсрочила часть близкаго и окончательнаго разрушенія римскаго государства. На мѣстѣ древней Византіи возникъ новый обширный городъ, съ очаровательными видами, расположенный, подобно Риму, на семи холмахъ и получившій название Константинополя. Насколько былъ удаченъ выборъ новой столицы и вѣрно предугадана великая роль, которую ей предстояло играть въ будущемъ, можно видѣть изъ того, что въ самое короткое время Константинополь уже заключалъ въ своихъ предѣлахъ многочисленное населеніе, украсился прекрасными зданіями и богатыми монументами.

Юный городъ послужилъ для разныхъ европейскихъ и неевропейскихъ народовъ средоточиемъ ихъ торговыхъ и промышленныхъ сношений и, наконецъ, сдѣлался оплотомъ противъ дикихъ ордъ, которые безпрестанно направлялись съ Востока на Западъ, уничтожая на своемъ пути все, что могла создать древне-классическая цивилизација.

Въ Константинополѣ начался новый исторический порядокъ событий и совершился новый политический поворотъ человѣческихъ судебъ, потому что именно здѣсь знаменитая Римская имперія была преобразована въ имперію греко-восточную, или, по-просту, въ Византійскую. Близость древней Эллады и ея уцѣлѣвшей культуры, смѣшеніе народовъ и рас摊ніе римского общества, упадокъ и ослабленіе язычества, шаткость власти въ Римѣ и отсутствіе дисциплины въ римскомъ войскѣ—вотъ тѣ основанія и побудительные причины, которыя вмѣстѣ съ усиленіемъ и торжествомъ христіанскаго ученія и авторитета греческой церкви, потребовали преобразованія расшатавшагося государственного механизма и способствовали возникновенію восточной имперіи съ ея новою столицею на берегахъ Золотаго Рога и Босфора. Византійская имперія просуществовала болѣе тысячи лѣтъ, испытавъ за это время много свѣтлыхъ и мрачныхъ дней и событий, блестящихъ дней и тяжкихъ пораженій, мирныхъ преуспѣяній и внутреннихъ неурядицъ, пока, наконецъ, не пала вмѣстѣ съ послѣднимъ Константиномъ изъ ряда вл-

зантійскихъ императоровъ, 29 мая 1453 года, когда азіатскіе турки взяли приступомъ и разгромили Константинополь. Съ перенесенiemъ столицы изъ Рима и основаниемъ византійской монархіи, римскій духъ постепенно смѣнился греко-восточнымъ; учрежденія были болѣе или менѣе сохранены, но вмѣсто латинскаго языка сталъ употребляться греческій. Императоры пользовались неограниченnoю властью по государственнымъ и народнымъ дѣламъ, однако, они не могли на столько упрочить свою власть, чтобы на долгое время сдѣлать престолъ наследственнымъ въ одной какой-либо династіи и притомъ по прямой линіи. Съ теченiemъ времени народъ, въ случаѣ недовольства, легко низлагалъ нелюбимаго императора (а иногда даже заточалъ и предавалъ смерти) и выбиралъ на его мѣсто новаго. Съ другой стороны, тотъ же народъ воспѣвалъ своимъ лучшимъ императорамъ гимны и похвалы. Царствованія нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствительно ознаменованы внутреннимъ процвѣтанiemъ Византійской имперіи и блестящими внѣшними завоеваніями во главѣ армій; въ то же время, благодаря искусному управлению, такие императоры пользовались чрезвычайнымъ уваженiemъ и властью среди подданныхъ. Наравнѣ почти съ императорами, въ высокомъ почетѣ находились патріархи, какъ главы церкви, назначаемые либо по выбору народа, либо по личной волѣ императора. Власть патріарховъ была неограничена во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. При слабыхъ императорахъ патріархи играли выдаю-

щуюся роль въ государствѣ; предъ другими, напротивъ, должны были преклоняться и подчинялись рѣшениямъ свѣтской власти даже въ вопросахъ церкви. Но, говоря вообще, все духовенство пользовалось въ имперіи обширными правами и преимуществами и имѣло громадное вліяніе на народъ, который совершило преклонился предъ его авторитетомъ. Торжественные и блестящія богослуженія много способствовали возвышенію церковнослужителей; послѣдніе притомъ руководили и народнымъ образованіемъ, которое было исключительно богословское, какъ для императоровъ, такъ и для всѣхъ другихъ въ государствѣ... Какъ бы то ни было, но если недостатокъ самостоятельности характера и мысли у средневѣковыхъ грековъ сопоставить съ бѣствіями частыхъ войнъ и поражений, потерю провинцій, лишеніями, голодомъ и опустошительными болѣзнями, то становится понятнымъ то вырожденіе греческаго народа въ средніе вѣка, при которомъ въ самую критическую для себя минуту онъ не нашелъ возможнымъ выставить болѣе пяти тысячъ вооруженныхъ ратниковъ, да и то съ значительнымъ процентомъ итальянцевъ, для противодѣйствія своему смертельному врагу.

Съ воцареніемъ поклонника Магомета въ резиденціи первыхъ христіанскихъ императоровъ, азіатскіе пришельцы стали господствовать будто исконные владѣтели насилию захваченныхъ земель и имуществъ, побѣженные же христіане обратились

въ рабовъ. Но, въ концѣ концовъ, могущество турокъ не могло быть прочно. Въ продолженіе болѣе четырехъ сотъ лѣтъ турки лишь войнами увеличивали свои владѣнія и поддерживали свое политическое значеніе среди другихъ государствъ; чрезъ войны же турецкая имперія стала постепенно и терять все, слабѣть и клониться къ упадку. Въ этомъ заключается историческая судьба азіатскихъ выходцевъ, которые даже для понятія «отечество» не имѣли и не изобрѣли до сихъ поръ турецкаго слова, а заимствовали у арабовъ ихъ выраженіе «ватанъ». «Ils sont campés en Europe», говорять французы о туркахъ; «наши останки должны покояться въ Азіи», говорятъ правовѣрные стамбульскіе турки, и скутарійское кладбище на азіатскомъ берегу Босфора, покрытое обширною, густою кипарисовою рощею, производить на путника такое же мрачное и таинственное впечатлѣніе, какъ и судьба самихъ послѣдователей Магомета.

Нѣкоторые султаны искусственными мѣрами пытались поднять падающій государственный строй турецкой имперіи; такъ Махмудъ II (Реформаторъ) въ первой четверти нынѣшняго столѣтія предпринялъ съ этою цѣлью рядъ послѣдовательныхъ мѣропріятій, но всѣ и его, и послѣдователей реформы до сихъ поръ произвели лишь переходное состояніе въ странѣ и не дали никакихъ положительныхъ результатовъ.

Население Константинополя со всѣми предмѣстьями (по статистическимъ даннымъ 1885 года) является приблизительно въ слѣдующемъ составѣ:

1) Магометанъ	384,910
2) Грековъ восточной церкви .	152,741
3) Армянъ восточной церкви .	149,590
4) Болгаръ восточной церкви .	4,377
5) Католиковъ (т. е. армяно-католиковъ)	6,442
6) Евреевъ	44,361
7) Протестантовъ (армяно и греко-протестантовъ)	819
8) Латинцевъ (греко-уніатовъ и разныхъ смѣшанныхъ народностей католического вѣроисповѣданія)	1,082
9) Иностранныхъ подданныхъ разныхъ исповѣданій	129,243
Всего.	873,565

Все населеніе Константинополя распадается по вѣроисповѣданіямъ на группы, которыя составляютъ отдельныя общины. Каждая христіанская община пользуется своими церковными и народными правами и подчинена верховной власти главъ церквей, изъ которыхъ—три патріарха, одинъ болгарскій экзархъ, одинъ апостоліческій пунцій, или папскій викарій. Существуетъ въ Константинополѣ и еврейская община со своимъ раввиномъ во главѣ. Всѣ общины

имѣютъ общиные совѣты изъ выборныхъ лицъ духовнаго и гражданскаго сословій, которые управляютъ всѣми внутренними дѣлами общинъ. Какъ патріархъ, такъ и другіе представители общинъ ведутъ переговоры съ турецкими министрами по своимъ церковнымъ и національнымъ дѣламъ.

Условія быта и господства турокъ на берегахъ Босфора, за и противъ.

Сложная правительственная система Турціи съ многочисленнымъ служебнымъ персоналомъ, на обязанности которого лежить забота соблюдать порядокъ внутри страны и способствовать благосостоянію и развитію народовъ Балканскаго и Анатолійскаго полуострововъ, никоимъ образомъ не достигаетъ своей цѣли. Прекрасныя и плодородныя полосы земли иѣкоторыхъ провинцій остаются совершенно неразработанными, даже потерявшиими значительную часть своего первоначального населенія. Отсутствіе путей сообщенія, которые съ успѣхомъ могли бы соединить береговыя линіи съ внутренними полосами земель и оживить торговлю обмѣномъ естественныхъ продуктовъ, составляетъ одну изъ беспрестанныхъ жалобъ населенія. Не смотря на разные проекты улучшенія въ этомъ смыслѣ, со стороны правительства ничего не было сдѣлано или весьма мало. Берега рѣкъ и горные склоны, поросшіе густыми лѣсами, представляютъ непроизводительное ни для государства, ни для населенія богатство, такъ

какъ администрація Турції, вмѣсто разумной утилизаціи его, фаталистически ввѣрляетъ все произволу слѣпаго случая. Поэтому неудивительно, что разныя народности Балканскаго полуострова достигли при турецкомъ владычествѣ крайней степени обѣднѣнія и, при всеобщемъ недовольствѣ управлениемъ, свободно предаются грабежамъ и разбоямъ, доходя до самыхъ воротъ Константинополя и даже проникая въ столицу. Многократныя возстанія, выселенія изъ страны и уменьшеніе численности населенія въ провинціяхъ и резиденціи служатъ весьма наглядными даними для сужденія о турецкомъ господствѣ и хозяйствичаньѣ пашей, доведшихъ государство до степени крайняго распаденія. Все это, вмѣстѣ взятое, невольно наводить сплоченное общей идеей объединенія христіанское населеніе на раздумье, а для европейскихъ соѣдніихъ и дальнихъ державъ составляетъ предметъ особаго вниманія. Въ моментъ всѣобщей анархіи и безсилія правительства Турція могла бы сдѣлаться добычею могущественнаго соѣда, если бы высшія политическія соображенія не заставляли тѣ же державы охранять турецкое владычество въ его настоящемъ видѣ, не смотря на то, что Турція перестаетъ существовать самостоятельную жизнью.

Чтобы выяснить будущность Турціи, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду современное ея состояніе со всѣми мотивами ея жизни и съ проистекающими отъ нихъ послѣдствіями; затѣмъ размот-

рѣть наличные силы, которыми еще держится самостоятельность государства, и затѣмъ уже разобрать причины, которые подтачиваютъ жизнь Турціи и ея могущество.

Турецкая народность въ ея совокупности дѣлится на двѣ категории, именно: на деревенскихъ обитателей, или поселянъ, и на горожанъ. Послѣдній типъ, наиболѣе чистый и рельефный, мы находимъ въ Константинополь. Турки, какъ городскіе жители, происходятъ отъ смѣшения разнородныхъ христіанскихъ и нехристіанскихъ племенъ. Изъ такого смѣшения съ теченіемъ времени выработался красивый типъ съ правильными чертами лица европейцевъ, причемъ свойственная монголо-татарской расѣ развитость черепныхъ, лобныхъ и лицевыхъ костей мало-по-малу исчезла.

Босфоръ, отдѣляющій Европу отъ Азіи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ граница и въ этнографическомъ отношеніи. Въ Константинополѣ нельзя наблюдать турецкую народность со всей ея своеобразностью, съ коренными правами и обычаями. Въ Перѣ и въ Галатѣ, въ христіанскихъ кварталахъ Константина-поля, турокъ почти не отличается отъ европейца, ибо, кроме фески на головѣ, онъ почти всегда одѣтъ по европейски и держится европейскихъ обычаевъ.

Турокъ, пользующійся какимъ-либо положеніемъ, въ сношенияхъ съ европейцами отличается утонченностью въ обращеніи и въ разговорѣ. Въ этомъ случаѣ онъ податливъ, вкрадчивъ и льстивъ, но

вмѣстѣ съ тѣмъ лицемѣренъ и подозрителенъ. Не даромъ сложилась у нихъ поговорка, что «руку, которую нельзя кусать, надо благоговѣйно цѣловать». Откровенного, совершенно свободнаго разговора трудно ожидать отъ турка, а учтивость его простирается до того, что онъ находитъ возможность болѣе жаловаться на своихъ единовѣрцевъ, чѣмъ на христіанъ. Въ ожиданіи осознательныхъ выгодъ отъ europейца, турокъ не только преклоняетъ голову, но и сгибаетъ спину, и картиными, витіеватыми фразами выражаетъ свою преданность, признательность и благодарность; но, достигнувъ цѣли, онъ все забываетъ и является низкимъ существомъ, оправдываясь другой характерной турецкой поговоркой: «обѣщаніе не можетъ быть нарушено, когда Аллахъ пожелаетъ, чтобы оно было исполнено».

Домашняя обстановка турка по виѣшнему виду отличается чрезвычайною роскошью въ приемныхъ комнатахъ. Безъ роскоши мало-мальски состоятельный турокъ не можетъ существовать, считая простоту europейцевъ, лишенную наружнаго блеска, унижениемъ своей личности. На этомъ основаніи турки часто говорятъ, что мудрость дана франкамъ, а роскошь—сынамъ Османа. При всемъ томъ закулисные покой каждого турка не только не отличаются блескомъ, но могутъ служить образцомъ нечистоты и беспорядка при душномъ, спертомъ воздухѣ. Роскошь свободно уживается съ бѣдностью и грязью. Турокъ крѣпко придерживается предашій прежней кочевой

жизни: онъ не имѣетъ определенного мѣста для ночлега, и такъ какъ кровати почти не введены въ домашнемъ быту турка, то онъ ложится по своему выбору на любомъ мѣстѣ пола. Не менѣе придерживается турокъ традиціонныхъ преданій и въ отношеніи кухни: вѣчная баранина и бараний жиръ—главная его пища; къ этому присоединяются еще всякаго рода сласти, не отличающіяся особенною пріятностью на вкусъ европейца.

Общественной жизни у турокъ пѣть, такъ какъ свободное время они проводятъ въ гаремахъ, совершенно замкнуто, среди своихъ одалисокъ. Разговоръ постороннихъ мужчинъ съ турчанками строго воспрещенъ. Для гарема отводятъ въ домѣ такія комнаты, которыя наиболѣе отдалены отъ постороннихъ нескромныхъ взоровъ, и окна въ женскихъ покояхъ задѣланы деревянной сѣткой. Нравы турецкихъ женщинъ, вслѣдствіе замкнутости, отличаются почти дѣтскими чертами: иногда турчанки скромны и безропотно переносятъ свою участъ, то онѣ необыкновенно пугливы и беспокойны, а нерѣдко сварливы, мелочны и завистливы. Послѣднія обстоятельства, при многоженствѣ такого рода, вносятъ въ семейство раздоры и служатъ причиной разводовъ, которые, по уложенію Корана, допускаются и легко приводятся въ исполненіе. Нравы и обычаи константинопольскихъ турокъ, несмотря на традиціи, фанатизмъ и предписанія Корана, значительно уклоняются отъ положеній, первоначально по-

становленныхъ самимъ пророкомъ Магометомъ, и въ столицѣ теперъ найдется немало турокъ, у которыхъ религіозное рвение въ совершенномъ упадкѣ и пренебреженії. Они творять молитвы безъ надлежащей правильности, не производятъ омовеній, не постятся, рѣдко посѣщають мечети, ёдятъ и пьютъ все безъ различія, предаются попойкамъ, наслаждаясь европейскими шипучими винами, а также коньякомъ, водкой, портеромъ и пивомъ. Вслѣдствіе всеобщаго безденежья, которымъ также страдаетъ и населеніе Константина, турки въ послѣднее время принуждены сократить штатъ наложницъ въ гаремахъ, а тѣ, которые долгое время жили въ Европѣ, имѣютъ только одну законную жену при европейской домашней обстановкѣ. Послѣ русско-турецкой войны турчанки стали показываться на улицахъ безъ проводниковъ, и съ незакрытымъ лицомъ посѣщають европейскіе магазины, перѣдко заводя разговоры съ незнакомыми мужчинами. Словомъ, настало время, когда эманципація женщинъ проявляетъ свое начало и въ магометанскомъ мірѣ, но, какъ чуждая взгляду турокъ, она не только не находить себѣ поддержки среди мусульманъ, а даже строго преслѣдуется полиціей.

Въ Стамбулѣ—въ турецкой части—тоже замѣтно вліяніе этой эманципаціи, къ которой турокъ относится съ такимъ недовѣріемъ, какъ вообще ко всяkimъ нововведеніямъ. Онъ такъ крѣпко запираетъ двери и окна своего дома, въ надеждѣ, что европей-

ское влияние какъ-нибудь минуетъ его. Но единственнымъ и вѣрнымъ средствомъ въ этомъ случаѣ кажется ему выселеніе во внутреннія области Малой Азіи, гдѣ онъ располагается безъ опасенія извѣтъ, свободно и беззаботно, въ своемъ домѣ. Со времени послѣдней войны число турокъ, переселенцевъ изъ Стамбула, все болѣе и болѣе увеличивается. Подобное же явленіе встрѣчается въ европейскихъ провинціяхъ Турціи и въ приморскихъ городахъ Малой Азіи. Многіе мусульманскіе обитатели Константинополя знаютъ и очень хорошо предвидятъ, что въ борьбѣ противъ европеизма они должны потерпѣть пораженіе и что ихъ пребываніе въ Европѣ имѣеть только временное значеніе. Они также замѣчаютъ, что христіане постепенно занимаютъ обитаемыя турками земли и что это христіанско кольцо уже опоясываетъ главный турецкій кварталъ и отрѣзываетъ доступъ къ морю. По прибрежной части Золотаго Рога густою массою обитаютъ греки, со стороны же Мраморнаго моря—примущественно армяне. Такимъ образомъ, лучшія части Стамбула, т. е. средневѣковаго Константина-поля, отошли уже къ христіанамъ, и турки занимаютъ только внутреннія мѣстности своего квартала. Выселившіеся же внутрь Малой Азіи чувствуютъ себя значительно свободнѣе: спать себѣ безопасно,ѣдять и пить нетревожно и безъ опасенія быть вытѣсненными, какъ въ Константинополѣ, изъ своихъ земель.

По мѣрѣ удаленія жилища турка отъ прибрежной полосы, рѣзче и нагляднѣе обрисовывается онъ со всѣми своими природными наклонностями — добродѣтелями и недостатками. Какъ радушный хозяинъ, раскрываетъ турокъ широко двери своего дома, чтобы принять всякаго гостя, который не можетъ не замѣтить при внимательномъ и безпристрастномъ наблюденіи, что турки внутреннихъ областей проявляютъ много мужества, честности, справедливости, милосердія и обдуманности въ своихъ дѣйствіяхъ. Эти характерныя особенности составляютъ свѣтлые стороны турка-поселянина, по заявлению многихъ путешественниковъ, наблюдавшихъ турокъ въ ихъ сельскомъ быту. Такія обстоятельства наводятъ на мысль, что чѣмъ менѣе турки приходятъ въ соприкосновеніе съ городскими обитателями и европейцами, тѣмъ лучше сохраняютъ они лучшія своеобразныя черты своего характера. Лордъ Байронъ такъ выражается о туркахъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своей поэмѣ Чайльдъ Гарольдъ, что они, со свойственными имъ нѣкоторыми недостатками, ничуть не заслуживаютъ презрѣнія и въ нравственномъ отношеніи стоять наравнѣ съ испанцами и, пожалуй, выше португальцевъ. Конечно, этотъ взглядъ примѣнимъ только къ поселянамъ; но онъ заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ въ Байронѣ мы видимъ противника, пожертвовавшаго все свое состояніе на освобожденіе грековъ отъ турецкаго ига и закончившаго свою

жизнь преждевременно смертью въ греческомъ го-
родѣ Миссолунги. Такъ же говорить и графъ Мар-
целусъ, ревностный и добросовѣстный изслѣдо-
тель Востока, недопускающій ни пренебрежитель-
наго взгляда, ни клеветы на турокъ. Но и онъ
имѣлъ въ виду только поселянъ, которые, конечно,
не отталкиваютъ отъ себя своимъ добродушiemъ
людей благомыслящихъ и безпристрастныхъ. На-
конецъ, и знаменитый защитникъ Севастополя, онъ
же и покоритель Плевны, генералъ Тотлебенъ,
имѣвшій случай познакомиться съ сельскимъ бы-
томъ турокъ во время послѣдней войны, тоже го-
ворить, что они — работящій, воздержный и чест-
ный народъ—нисколько не заслуживають презрѣнія
въ такой мѣрѣ, какъ о нихъ думаютъ, и что только
дурное управление—хозяйничанье нашей и служеб-
наго персонала—поставило ихъ въ такое неблаго-
пріятное положеніе *).

Можно было бы привести немало подтвержде-
ній многихъ другихъ писателей и путешественни-
ковъ, но мы и сами не разъ имѣли случай убѣ-
диться въ вышесказанномъ.

Въ противоположность этому, городской обита-
тель на Востокѣ отличается отсутствиемъ всякихъ
принциповъ правдивости. По его уму и дѣй-
ствіямъ, исключительно направленнымъ на интриги и

*) Извлечено изъ походнаго дневника, писанаго собствен-
ною рукою генерала Тотлебена

коzни, онъ обладаетъ всѣми качествами искателя приключений.

Семейное и общественное положеніе каждого турка представляется совершенно демократическимъ. Житейскія условія такъ обставлены, что сынъ любаго паши, даже министра, можетъ заниматься ремесломъ цирюльника, лодочника; равно какъ и служитель кофейной или торговецъ фруктами и овощами, въ одинъ прекрасный день попадаетъ, по милости султана, во дворецъ и затѣмъ принимаетъ высшую должность паши, даже министра, чemu немало примѣровъ представляетъ исторія Турціи.

Отсюда понятны тѣ условия моральной и умственной немощи представителей государственной власти, т. е. служебнаго персонала, руководящаго правительственными дѣлами съ давнихъ временъ и въ особенности со времени царствованія султана Сулеймана Великаго, образовавшаго какъ-бы злокачественный нарость, ведущій государство къ упадку и гибели. Первоначально было установлено, какъ государственный принципъ, что христіане при турецкомъ господствѣ должны работать и трудиться, а турки, какъ господствующій элементъ, освобождаются отъ всякихъ заботъ и трудовъ. Этотъ принципъ могъ держаться до тѣхъ поръ, пока завоеванія обширныхъ земель и доходы съ нихъ обеспечивали государство, т. е. съ избыткомъ превышали расходъ, въ виду отсутствія особыхъ потребностей. Во время восходящей славы и могущества блестящаго периода

турецкаго господства, въ XV и XVI столѣтіяхъ, военные походы не обременяли государство особыми расходами, ибо военное хищничество и награбленныя богатства во вновь завоеванныхъ земляхъ доставляли щедрую добычу и обогащали пашей, султана и казну. Покоренные земли дѣлились на участки, раздавались турецкимъ военачальникамъ, которые въ качествѣ удѣльныхъ владѣльцевъ, по родовому наследственному праву нисходящей линії, играли видную роль въ государствѣ и своими буйными выходками и поголовными восстаниями вооруженныхъ силъ провинцій причиняли государству много хлопотъ. Султанскія войска не разъ выступали на усмирение восставшихъ. Подобные походы внутри страны стали такъ часто повторяться, что государство рѣдко пользовалось покоемъ. Такія неурядицы начались именно во время возрастающаго могущества турокъ и безпрестанно продолжались до конца XVII вѣка, когда Турція, уже ослабленная внутренними раздорами и пораженная извнѣ (1683 года подъ стѣнами Вѣны), стала клониться къ упадку. Съ этого периода, отчасти вслѣдствіе усиленія сосѣднихъ государствъ и ихъ вооруженныхъ силъ и невозможности приобрѣтенія военной добычи, отчасти вслѣдствіе дальнѣйшихъ внутреннихъ беспорядковъ, государство лишилось даже самыхъ необходимыхъ ресурсовъ и вынуждено было начать безпощадное и беззаконное присвоеніе имущественныхъ богатствъ своихъ христіанскихъ подданныхъ. Кромѣ вышеупомянутаго

мнутыхъ причинъ, упадку Турціи содѣйствовали невозможность или затруднительность въ отношеніи земледѣлія, горнопроизводства, промышленности и торговли, при чёмъ не богатство страны, но главнымъ образомъ производительныя силы стали постепенно изсякать. Пути сообщенія, шоссейныя и простыя дороги, судоходство находились въ самомъ жалкомъ состояніи, безъ надзора и попеченія правительства. Эти обстоятельства причинили бездоходность государства со всѣми его послѣдствіями: обремененіемъ народа тяжкими налогами и даже конфискаціей имущества не только зажиточныхъ христіанъ, но и турокъ, поддѣлкой монеты и произвольнымъ вымогательствомъ. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ создались тѣ растлѣвающія условія, которыя довели государство до полнаго его разоренія и анархіи. Затѣмъ, вслѣдствіе пораженій въ войнахъ съ Австріей и Россіей, Турція увидѣла, что всѣ ея государственные основы поколебались и почти рушились. Въ этотъ періодъ времени султаны одинъ за другимъ смѣнялись на тронѣ Константино-поля. Ихъ неспособность къ управлению государствомъ выдвигала сильныхъ и энергичныхъ пашей и визирей, какъ представителей государственныхъ дѣлъ. Они своевольно отстраняли удаленныхъ замкнутою среди гарема жизнью султановъ, не принимавшихъ прямого участія въ управлении страей. Хотя тѣ же паши и визири часто сами подпадали произволу султановъ, съ одной стороны, и нахально

дерзкимъ требованіямъ янычаръ—съ другой. Бывали моменты, когда наши и визири становились жертвою то султановъ, то янычаръ, иногда обѣ стороны решали ихъ участъ. Слово Момзена о кельтахъ, что они потрясли всѣ старыя государства, не создавъ своего собственаго, вполнѣ примѣнно и къ туркамъ. Какъ кельты во всѣ времена отличались не только воинственнымъ характеромъ, но и въ дѣйствительности умѣли быть воинами, а не гражданами, такъ точно и турки, обогащавшіеся данью подвластныхъ народовъ, могли сохранять свое могущество до тѣхъ поръ, пока не изсякъ для нихъ источникъ обогащенія, съ исчезновеніемъ котораго наступаетъ упадокъ государства.

Наибольшей силой и выдающимся вліяніемъ служатъ пока сословія улемъ и софтъ, т. е. обучающій и учащійся классы турецкаго сословія, которые, при содѣйствіи нынѣ царствующаго султана, поддерживаютъ въ народѣ прежнія суевѣрія и преданія магометанъ. Государственный же дѣла и материальное благосостояніе страны лежать на чиновничьемъ сословіи. Турецкій чиновникъ раньше не получалъ никакаго жалованья. Назначеніе его на должность исключительно зависѣло отъ милости султана и великаго визиря, которыхъ онъ благодарили за новое положеніе деньгами и богатыми подарками. Вслѣдствіи этого, каждый новый чиновникъ думалъ только о себѣ самомъ и заботился какъ бы поскорѣе вернуть расходы на подарки, а затѣмъ уже радѣль о

правительственныхъ интересахъ. За этими сословіями слѣдуетъ военное, организовавшееся для защиты государства и для охраненія существующихъ порядковъ. Оно составляетъ самый важный государственный элементъ Турціи. На слѣдующихъ страницахъ мы разсмотримъ каждое изъ этихъ сословій отдельности, причемъ надо сказать, что всѣ высшія инстанціи правительственной системы, опирающіяся на эти три сословія, находятся въ рукахъ турокъ, а помощниками ихъ, на разныхъ ступеняхъ власти, являются христіане и европейцы. Если же эти послѣдніе и становятся иногда во главѣ государственного правленія, то такое явленіе бываетъ лишь временнымъ. Замѣтимъ кстати, что Персія въ этомъ отношеніи опередила Турцію, оказывая болѣе довѣрія христіанамъ и назначая ихъ даже губернаторами внутри страны и уполномоченными при иностраннныхъ дворахъ.

Итакъ, первую сословную категорію турецкаго населенія составляютъ улемы и софты, которые строго придерживаются старыхъ предписаний магометанскаго закона, при неотступномъ преслѣдованіи одного взгляда, что арабскія и туркскія преданія (вмѣстѣ съ предписаніями корана) составляютъ главную основу для предохраненія государства отъ вреднаго вліянія европейскихъ идей. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда султаны рѣшались отступать отъ ученія своихъ предковъ, улемы и софты возставали сообща и налагали свое воспрещеніе, стараясь та-

кимъ путемъ удержать родную страну въ первобытной закоснѣлости и какъ можно подальше отъ вліянія европейцевъ. Эта многочисленная категорія турокъ содерхится на счетъ государства и доходовъ съ мечетей, значительная часть которыхъ растратчиваются совершенно непроизводительно. Нѣкоторые улемы исполняютъ религіозныя обязанности, иные вступаютъ на государственную службу, но значительное большинство остается безъ опредѣленного занятія и, тунеядствуя, кое-какъ влачить свое существованіе. Отсюда легко понять, что этотъ сословный классъ, извлекающій выгоду изъ невѣжества собратовъ, оказываетъ сильное нравственное вліяніе на сохраненіе фатализма и магометанства. Въ прошломъ столѣтіи совершилось интересное событие: изъ той страны, которая еще во время греко-восточной имперіи была разсадникомъ еретиковъ—религіозныхъ диспунтантовъ и противниковъ константинопольской церкви—выступилъ энергичный и умный человѣкъ—паша Али-Бенъ-Абдалла, управитель Каира. Онъ представилъ султану Махмуду I проектъ, въ которомъ излагалось постепенное и совершенное уничтоженіе ислама и главнымъ образомъ его духовныхъ служителей и представителей, т. е. улемовъ, считавшихся, по мнѣнію паши, наиболѣе опаснымъ ограниченіемъ свѣтской власти султана. Въ своемъ проектѣ Али-Бенъ-Абдалла говорилъ довольно свободно, что ученіе ислама—безсмыслица, а потому и не заслуживаетъ вниманія. Однако со стороны пра-

вительства не было еще ни одной попытки уничтожить это сословие, а теперь и тѣмъ болѣе, такъ какъ нынѣ царствующій султанъ, не отличаясь ни рѣшимостью, ни твердостью реформатора Махмуда II, вдобавокъ набоженъ и ни за что не рѣшится не только на уничтоженіе улемовъ, но даже и на ослабленіе ихъ вреднаго вліянія, задерживающаго правильное развитіе государства.

Прежде чѣмъ приступить къ опредѣленію внутренней организаціи турецкаго чиновничества, слѣдуетъ замѣтить, что тѣ частыя хищенія значительныхъ правительстvenныхъ суммъ, о которыхъ отъ времени до времени извѣщаютъ публику мѣстныя газеты, вполнѣ доказываютъ жалкое состояніе чиновничества и ихъ полный произволъ. Такъ, напримѣръ, два года тому назадъ, когда ревизовали кассу министерства общественныхъ работъ (*mallié*), то въ ней обнаружился недочетъ на 63,000 турецкихъ лиръ (что приблизительно составляетъ полтора миллиона франковъ), о чёмъ тотчасъ же подняли шумъ всѣ турецкія и мѣстныя французскія газеты съ требованіемъ производства слѣдствія и наказанія виновныхъ. И это не одинъ примѣръ. Подобныя злоупотребленія въ одномъ Константинополѣ раскрываются ежегодно и сряду по три, по четыре. Такія обстоятельства бросаютъ яркій свѣтъ на всю несостоятельность турецкой правительстvenной системы и на невысокій правственный уровень турецкаго чиновничества.

Третья категорія турокъ, которая сама по себѣ составляетъ силу и на которой зиждется турецкое господство, это армія. Мы находимъ неумѣстнымъ говорить за или противъ всего состава; но турецкий солдатъ, по словамъ какъ изслѣдователей востока, такъ и европейскихъ военныхъ авторитетовъ, представляетъ надежную опору государства и вполнѣ заслуживаетъ такой похвалы. Съ этой точки зрењія мы бросимъ бѣглый взглядъ на турецкую армію. Турецкий солдатъ имѣеть большое сходство съ африканскимъ туркосомъ (*le turco*) французской арміи, съ тою, впрочемъ, разницею, что туркосъ во всѣхъ отношеніяхъ содержится лучше, но борется не за родное отечество, а за то, которое только приняло его подъ свое покровительство. Турецкий солдатъ отправляется на поле сраженія безъ всякой подготовки; онъ даже и не знаетъ, какія лішнія ожидаютъ его впереди, но, по безопасности своей, онъ и не думаетъ о нихъ. Лишь только война объявлена, извѣстіе о чёмъ быстро распространяется по всѣмъ провинціямъ, въ каждомъ городѣ изъ каждого семейства вербуется такое количество рекрутъ, защитниковъ государства, сколько приходится на его долю. Рекрутъ молчаливо береть мѣшокъ со всѣми своими пожитками и отправляется въ столицу, откуда уже, по приказанію начальства, онъ идетъ къ мѣсту дѣйствительнаго назначенія, гдѣ ожидается непріятель. Поступивъ въ ряды арміи, молодой солдатъ забываетъ своихъ родныхъ, пріят-

телей, — однимъ словомъ, все изъ прежней своей жизни. Теперь онъ нетерпѣливо ожидаетъ команды или сигнала къ началу сраженія и исполняетъ свои обязанности точно и безпрекословно. Онъ безропотно переносить голодъ и довольствуется скучно пищей, состоящею изъ отвара риса или кукурузы. Турецкій солдатъ служитъ съ большимъ усердiemъ и храбро сражается какъ въ рядахъ регулярной армii, такъ и въ качествѣ волонтера, причемъ никто не поджигаетъ его энтузіазмъ въ борьбѣ за отечество, какъ это принято въ европейскихъ войскахъ. Никто изъ солдатъ даже не знаетъ, какой сторонѣ принадлежитъ вызовъ войны, или съ чьей стороны справедливое требование; емубыла бы только война — и достаточно, а обѣ остальномъ онъ даже и не думаетъ. Многіе солдаты не только не ознакомлены съ качествами своего начальника, но даже не знаютъ имени офицера, подъ начальствомъ котораго они служатъ, и очень немногіе имѣютъ понятіе о тактическомъ значеніи позиціи и мѣстныхъ предметовъ въ бою. По мнѣнію турецкаго солдата, всѣ эти тактическіе мелочи не имѣютъ для него никакого значенія, ибо на немъ лежитъ только одна обязанность: не отступать передъ непріятелемъ, изо всѣхъ силъ оказывая ему сопротивленіе. Онъ неудержимо рвется въ битву, ибо увѣренъ, что смерть его зависитъ отъ воли Провидѣнія. Онъ твердо помнитъ, что павшаго на полѣ брали воина, по словамъ корана, въ будущемъ ожидаетъ блаженство и рай, а

если онъ и переживетъ битву, то не думаетъ о наградѣ за отличіе, довольствуясь однимъ высокимъ назначеніемъ защитника отечества, чьему обязываетъ его, по религіи, служеніе знамени. Вотъ почему, всегда воздержный и бодрый, турецкій солдатъ является вѣрнымъ защитникомъ своего отечества. Такой солдатъ, хорошо снаряженный и вооруженный, непремѣнно будетъ отличаться въ наступательной войнѣ необычайною храбростью, а въ войнѣ оборонительной каждый воинъ явится героемъ.

Во время послѣдней сербо-турецкой войны, генераль Черняевъ, предводительствовавшій сербскими войсками, убѣдившись въ достоинствахъ турецкаго солдата, отдалъ дань справедливости своею похвалою, сказавши, что если бы ему дали 500-тысячное турецкое войско, то онъ завоевалъ-бы съ нимъ всю Европу. Также достойно вниманія мнѣніе известнаго французскаго адмирала и писателя Жюрьен-де-ла-Гравіера. По его словамъ, турецкій солдатъ замѣчательно выдается военными доблестями, и если бы его поставить подъ команду свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ офицеровъ, то онъ совершилъ чудеса и удивилъ свѣтъ. Главный недостатокъ турецкой арміи не въ солдатахъ и не въ полководцахъ, а въ хорошихъ офицерахъ.

Было время—оно еще памятно многимъ—когда вліяніе Франціи, Англіи, Австріи, Италии считалось господствующимъ на берегахъ Босфора, и услуги свѣдущихъ и опытныхъ иностранцевъ этихъ націо-

нальностей въ занятіи государственныхъ должностей охотно принимались турецкимъ правительствомъ и щедро вознаграждались. Но со временеми послѣдней русско-турецкой войны отношенія совершенно измѣнились: оживляющій европейскій токъ въ дряхлый организмъ турецкихъ министерствъ, администраціи и арміи исключительно направляется изъ Берлина. Инициаторомъ въ этомъ отношеніи является Фридрихъ Великій, который еще въ прошломъ столѣтіи послалъ въ Константинополь военныхъ инструкторовъ для обученія турецкой арміи. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка въ числѣ инструкторовъ былъ командированъ прусскій офицеръ Мольтке (теперь начальникъ главнаго штаба германской арміи), который при этомъ же составилъ и начертілъ первую правильную карту Босфора. Въ настоящее время вся турецкая армія, въ общемъ и въ отдѣльныхъ частяхъ, предоставлена попеченію прусскихъ генераловъ, которые въ званіи пашей, съ красной феской на головѣ и въ турецкомъ мундирѣ, занимаются ея образованіемъ по прусскому образцу, а въ военныхъ школахъ — обученіемъ по германской военной системѣ, получая за это громадное жалованье. Однако имъ приходится испытывать не мало непріятностей со стороны турецкихъ пашей, не терпящихъ, по своей рутинѣ, нововведеній и улучшений.

Чтобы судить о военныхъ силахъ турецкаго государства, надо только привести правительственное распоряженіе 1880 года, по которому вся армія

раздѣляется: на войска регулярные (низамъ), ополченцевъ (редифъ) и земскую милицію (мустахфи). Въ мирное время численность всѣхъ войскъ подъ ружьемъ доходитъ до 50,000. Въ военное же время пѣхота вмѣстѣ съ егерями составляетъ 468,000 человѣкъ, кавалерія 64,000, артиллерія 57,000, саперы и инженеры 10,800, при обозѣ 9,000, а всего 608,800 человѣкъ при 1,512 орудіяхъ. Войска раздѣлены на семь армейскихъ корпусовъ, дислокированныхъ по провинціямъ подъ начальствомъ мушкіровъ (фельдмаршаловъ). Въ послѣднее время—полгода тому назадъ—на общемъ совѣтѣ турецкихъ и германскихъ генераловъ было решено довести число вооруженныхъ силъ Турціи до 800,000. При дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ было обсужденъ и решено проектъ о введеніи общей воинской повинности, которой подлежитъ все мусульманское населеніе отъ 20 до 40-лѣтняго возраста, за исключеніемъ жителей Константинополя.

Относительно военныхъ морскихъ силъ Турціи скажемъ слѣдующее: флотъ состоитъ изъ 13 панцирныхъ судовъ и трехъ мониторовъ, предназначенныхъ для Дуная, 14 неброненосныхъ фрегатовъ и корветовъ, 7 яхтъ, 12 крейсеровъ и вѣстовыхъ судовъ, 13 малыхъ канонирскихъ лодокъ и прочихъ судовъ для защиты береговой линіи. Броненосецъ Месудіе поднимаетъ до 9,000 тоннъ, Гамидіе—до 8,000, три другие, построенные въ Англіи 20 лѣтъ тому назадъ,—по 6,000 тоннъ и Ассари-

Тевфикъ, построенный во Франции,—5,700 тоннъ. Всѣ броненосцы были вооружены пушками Армстронга, но теперь онѣ постепенно замѣнены Крупновскими орудиями.

Въ этихъ средствахъ и заключается вся сила, на которую опирается Турція для охраненія своихъ частныхъ, общихъ и государственныхъ интересовъ и для защиты своего дѣблага существованія.

Переходя къ обозрѣнію внутренняго состоянія Турціи ко времени послѣдней войны 1877—78 годовъ, надо замѣтить, что въ это печальное время государство находилось почти на краю гибели: критическое финансовое положеніе и бѣдственное состояніе народа, лишенаго послѣднихъ средствъ къ существованію, обращали на себя взоры цѣлой Европы. Всѣ дѣла, совершившіяся по довѣренностямъ внутри и въѣ страны, прекратились: никто не вѣрилъ другъ другу; даже правительство не вѣрило своимъ собственнымъ силамъ и находилось подъ давленіемъ иностраннѣхъ дипломатовъ. Послѣ этого неудивительно, что находились такие пессимисты, которые уже сосчитали послѣдніе годы существованія Турціи, предполагая, что вотъ-вотъ наступить время ея окончательного раздѣла, а тутъ еще, какъ-бы въ добавокъ ко всему, и нѣкоторыя условія берлинскаго трактата оставались невыполненными. Территориальная уступка и окончательное разореніе бѣд-

ствіями войны пограничныхъ областей въ Европѣ и въ Азіи довели многіе деревни и города до голода или опустошенія. Единственный источникъ государственного дохода въ это время составляло взиманіе налоговъ, не приносившихъ особенныхъ выгодъ, такъ какъ дѣло велось старымъ порядкомъ, при чемъ минимальная часть попадала въ казну, а остальное расходилось по рукамъ чиновниковъ.

Нынѣ царствующій султанъ Абдулъ-Гамидъ II-й, вступая на престоль, не обладалъ ни житейскою, ни государственною опытностью. Онъ окружилъ себя бездарными министрами и совѣтниками, слѣпыми приверженцами ученія корана. И въ это трудное время, когда Турція изнывала подъ гнетомъ бѣдственнаго положенія, ни при дворѣ султана, ни въ министерствахъ не нашлось ни одного дѣльного финансиста, который могъ бы оказать государству дѣйствительную услугу. По случайному стечепю обстоятельствъ и иностранные дипломаты, въ то время окружавшие султана, были новичками въ чуждой имъ странѣ и, при всемъ желаніи поддержать Турцію, оказывали ей неумѣстную услугу, порождая массу недоразумѣній и затрудненій своими неотступными требованиями.

Какъ діаметральная противоположность пессимистамъ, въ это же самое время явилось немало и оптимистовъ, задумавшихъ путемъ радикальныхъ преобразованій помочь отечеству; но они тотчасъ же встрѣтили сильный отпоръ въ лицѣ все того же не-

навистника нововведеній—улемовъ, твердо стоящихъ за свою излюбленную рутину. Раболѣчество и слѣпая покорность народа передъ господствующей властью тормозятъ дѣло прогресса, начавшаго было постепенно входить въ Турцію изъ Европы, и гибельно дѣйствуютъ на государство. При всемъ томъ Константинополь никакъ не можетъ освободиться отъ этого вліянія европейскаго прогресса и, находясь теперь подъ сильнымъ его давленіемъ, все-таки не затрогиваетъ внутреннихъ слоевъ жизни страны.

Не смотря на все вышеизложенное, существование Турціи было гарантировано берлинскими трактатами. Здѣсь невольно является мысль о сравненіи этого существованія Турціи съ искусственнымъ проявленіемъ тропического растенія, которому сдерживающій его ростъ кровь теплицы служитъ и защищаетъ отъ непогодъ сѣвера.

Относительно турецкаго господства въ Константинополѣ существуютъ два диаметрально противуположные лагеря воззрѣній. Представители одного (туркофилы) утверждаютъ, что господство мусульманъ на берегахъ Босфора безусловно необходимо; между тѣмъ, какъ представители другаго лагеря (туркофобы) говорятъ, что чѣмъ скорѣе турецкое господство будетъ замѣщено другою державою, тѣмъ благопріятнѣе устроится судьба Востока и его народовъ. Эти воззрѣнія пока еще не сходятся ни въ одной точкѣ, и то тѣ, то другія берутъ перевѣсъ. Вообще же господство турокъ въ Европѣ и до сихъ

поръ составляетъ предметъ спорныхъ толкованій, только по временамъ сходящихся къ какимънибудь соглашеніямъ, примирительнымъ взглядамъ. Точно также и въ христіанскомъ населеніи Балканского полуострова этотъ вопросъ колеблется и за, и противъ. Даже турецкіе сановники не предвидятъ определенной будущности своего государства, а высказываются согласно общему направленію политическихъ взглядовъ на этотъ счетъ. Вообще восточная политика представляетъ одинъ изъ трудныхъ вопросовъ въ исторіи дипломатіи, а вопросъ о Константинополѣ — въ особенности, по своему широко развернувшемуся значенію; по запутанности же онъ представляетъ новый лабиринтъ, въ которомъ запутались и потерялись всѣ догадки и надежды записныхъ дипломатовъ.

Восточная политика — это теперь высшая практическая школа для всѣхъ даровитыхъ начинающихъ дипломатовъ, гдѣ открывается передъ ними широкое поле для дѣятельности. Однако-же отсюда немногіе выходятъувѣичанные лаврами, такъ какъ для полнаго знанія Востока нужно еще много упорнаго труда и немало опыта. Впрочемъ, некоторые дипломатические дѣятели, при особенной ловкости и изворотливости, имѣли немалый успѣхъ на берегахъ Босфора, но, не обладая правильнымъ понятіемъ о функцияхъ Востока, послѣ долгихъ стараний и домогательствъ, всетаки не могли осуществить ни одной изъ предначертанныхъ задачъ своего государства.

Для дѣйствительного изученія Востока, кромѣ долговременного практическаго знакомства съ его жизнью, надо еще имѣть строго аналитической взглядъ и зоркую наблюдательность, не довольствующуюся одной показной стороной, которая тамъ повсюду обольстительна, обманчива и двулична. Постоянно приходится отыскивать абсолютныя причины тѣхъ или другихъ явлений и сложныхъ вопросовъ, такъ какъ Константинополь представляетъ своеобразную хаотическую смѣсь воззрѣй и понятій, отъ современныхъ до средневѣковыхъ.

Послѣ дѣйствій Англіи и Франціи въ пользу прогрессивнаго развитія и совершенствованія Турціи, ихъ мѣсто (послѣ берлинскаго конгресса) заняла Германія, оказавшая Турціи не только содѣйствіе, но и помощь черезъ своихъ, поставленныхъ въ Константинополь, совѣтниковъ и инструкторовъ. Германія опредѣлила прежде всего: какія условія наиболѣе благопріятны для существованія Турціи, стараясь въ то же время о возвышеніи и укрѣпленіи ея нравственнаго уровня. Неустанно работая въ одномъ и томъ же направлѣніи, нѣмцы проникли въ Константинополь до самаго дворца султана, занявъ мѣсто не только инструкторовъ, но и товарищей министровъ. Однако-жъ, старая язва государственной системы не безъ борьбы принимаетъ германскую инструкцію съ ея доброжелательствомъ. И теперь можно сказать только одно, что Турція находится въ переходномъ состояніи, но нельзѧ съ положительностью предска-

зать все видоизмѣненіе и направлениe государственныхъ дѣлъ, ибо произведенныя мѣропріятія не имѣютъ пока вполнѣ оформленнаго характера для дальнѣйшаго ихъ развитія; а потому и будущность государства не можетъ съ точностью опредѣлиться. Въ этомъ случаѣ турецкое правительство подобно зараженной машинѣ, которая хотя и движется парамъ, но не работаетъ правильно и отчетливо. Уже первая и главная несостоительность правительственної организаціи заключается въ положительной невозможности, при существующихъ порядкахъ, определить годовой бюджетъ. Доходы государственной казны поступаютъ съ такою непредвидѣнною неравномѣрностью, что само правительство не имѣетъ никакихъ данныхъ для предначертанія дѣйствій, тѣсно связанныхъ съ финансовымъ положеніемъ.

Отсюда видно, что турецкому господству на Босфорѣ предстоитъ два пути: при неблагопріятныхъ условіяхъ—сколько прогрессивныхъ шаговъ столько же и регрессивныхъ, приводящихъ къ прежнему положенію застоя, или же Турція должна безъ ограниченія ввести систему государственной организаціи цивилизованныхъ народовъ, что, конечно, потребуетъ многихъ десятковъ лѣтъ для достиженія дѣйствительнаго успѣха, т. е. видимыхъ плодовъ этого преобразованія. Если Турція серьезно подумаетъ о самостоятельномъ существованіи и господствѣ и если европейскія державы найдутъ нужнымъ содѣйствовать ея прогрессивному развитію, то она непремѣнно

должна будетъ примкнуть къ европейской цивилизаціи. Въ этихъ новыхъ основахъ и заключается спасеніе Турціи. А чтобы достичь этой цѣли, она должна выполнить слѣдующія условія: 1) Во главѣ правленія, вмѣстѣ съ просвѣщеннымъ султаномъ, должны по всемъ отраслямъ находиться люди просвѣщенные и опытные; 2) готовые капиталы для раскрытия новыхъ источниковъ богатства посредствомъ разработки почвы, минеральныхъ горныхъ залежей и громадныхъ лѣсовъ, покрывающихъ горы; 3) учебныя заведенія для образования и подготовки молодаго поколѣнія; 4) преобразованіе судебнаго вѣдомства для скораго и праваго судопроизводства; 5) улучшеніе путей сообщенія проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и шоссейныхъ, каналовъ, мостовъ и прочее; 6) устройство фабрикъ и поощреніе правительствомъ фабричнаго производства; 7) учрежденіе высшихъ учебныхъ заведеній и посылка молодыхъ ученыхъ за границу для усовершенствованія въ европейскихъ наукахъ.

Разсмотрѣвъ и перечисливъ всѣ принципіальныя условія, при которыхъ существованіе Турціи возможно, главнымъ образомъ надо имѣть въ виду три основные пункта: свѣдущіе люди, капиталъ и учрежденіе высшаго учебнаго заведенія, ибо всѣ остальные факторы составляютъ побочные средства и проис текаютъ изъ этихъ трехъ главныхъ пунктовъ. Основаніе высшаго учебнаго заведенія для государства безусловно необходимо: такое заведеніе, основ-

ванное на принципахъ прогресса, сперва привлечетъ выдающихсяъ своими познаніями людей, а потомъ приготовить дѣятелей для раскрытия богатствъ страны и укажетъ пути и средства къ достижению этой цѣли; оно выработаетъ правила законности и принциповъ государственныхъ; оно разработаетъ положительныя и нормальныя условія быта будущихъ поколѣній, основываясь на опытѣ прошедшихъ временъ и настоящихъ. При нынѣшнемъ же ничтожномъ уровнѣ образованія и умственного развитія народовъ, населяющихъ это обширное государство съ миллионою группой береговыхъ обитателей Босфора, Турція походитъ на живой организмъ, лишенный головы и вообще оконечностей, а слѣдовательно и безъ способности къ свободному движенію, ибо она безпрестанно нуждается въ посторонней помощи и въ толчкахъ извнѣ.

Осуществленіе первого вопроса не представляетъ никакого затрудненія, такъ какъ свѣдущіе люди всегда могутъ быть вызваны изъ-заграницы. Но второй вопросъ является болѣе сложнымъ: откуда взять необходимый контроль, въ то время, когда въ странѣ царитъ бѣдность и государство, обремененное страшными долгами, не имѣть возможности пользоваться виѣшнимъ кредитомъ? По вычисленію же экспертовъ, если бы Турція утилизировала свои мертвые богатства, т. е. рационально разработала лѣса и горные минералы, то она не только уплатила бы всѣ долги, но еще открыла бы себѣ цѣлые источ-

ники средствъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Бѣдствіе заключается лишь въ томъ, что турки, незнакомые съ мѣстными условіями, сами ничемъ не могутъ воспользоваться, а другимъ не оказываются въ этомъ должнаго довѣрія. И такихъ благопріятныхъ будущему существованію Турціи обстоятельствъ мы привели бы немало, но ограничиваемся только изложенными пунктами, для осуществленія которыхъ, повторяемъ, необходимы десятилѣтія. Но кто намъ можетъ поручиться, что въ теченіе этого времени Турція не будетъ вовлечена въ войну?

Люди, стоящіе во главѣ правленія въ Константинополѣ, могутъ проложить новый путь къ преобразованію Турціи и сохраненію ея могущества, столько въ томъ случаѣ, если они поставятъ своими руководящими принципами честность и разумъ—ими лишь и познается житейская истина, ибо въ борьбѣ за цивилизацию увѣнчиваются лаврами не тотъ народъ, который избранъ провидѣніемъ, т. е. счастьемъ слѣпаго случая, а тотъ, который, непрестанно работая умомъ, познаетъ правду частной, общественной и государственной жизни. Сможетъ ли только Турція на новомъ пути выдержать чуждый ей принципъ, положенный въ основаніе европейскаго государственного строя: гуманность и равенство,—это вопросъ времени. Если она, работая надъ собой и прогрессируя, образуетъ въ государствѣ союзъ народовъ, проникнутыхъ идеей сохраненія единства, а

не раздробленія общихъ силъ, какъ теперь, то и въ борьбѣ за существованіе это государство найдеть надежный оплотъ въ самомъ же себѣ, ибо главныя силы всякаго вообще государства и заключаются какъ въ материальномъ благосостояніи народа, такъ и въ сознаніи имъ своего единства.

Чтобы въ здоровомъ тѣлѣ былъ здравый разсудокъ, надо только выполнить условія правильнаго развитія человѣка. Такъ и въ государствѣ: ни приверженность къ исламу, ни сильная армія, ни улемы, ни европейскіе инструкторы не въ состояніи быть надежными пособниками въ турецкомъ господствѣ. Какъ всѣ населяющіе землю люди видѣть въ солнцѣ источникъ свѣта и животворящей силы, такъ равно каждый подданный видѣть въ своемъ властелинѣ оградителя всѣхъ своихъ правъ и имуществъ. Но чего можно ожидать отъ турецкаго султана? Принципы, на которыхъ зиждется его тронъ и управление подвластными народами,—не что иное какъ средневѣковыя преданія изъ арабскихъ сказокъ и изречения доморощеныхъ мудрецовъ, на которыхъ основаны законоположенія Канунамѣ, съ прибавкой къ нимъ законодательствъ Магомета II и Сулеймана I, въ связи съ учениемъ корана. Султанъ не знаетъ ни своего государства, ни населяющихъ его народовъ. Ихъ нужды и потребности для него неизвѣстны, также какъ и народу неизвѣстны желанія

султана. И такъ обѣ главныя стороны взаимно не сообщаются. Государственная машина работаетъ себѣ безъ вѣдома рулеваго и, разумѣется, или плохо движется, или невипадъ.

Помимо всякихъ случайностей, могущихъ положить конецъ владычеству турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, мусульмане сами по себѣ уже проявили признаки постепенного органическаго разложенія, что, въ связи съ религіозной отчужденностью послѣдователей ислама, даетъ право намъ говорить о невозможности государственного развитія Турціи. И такъ, одна и та же причина — фанатическая приверженность къ исламу — сперва служила къ основанію могущественнаго турецкаго государства и къ утвержденію его господства на берегахъ Босфора, — теперь же служитъ преградой, черезъ которую пытается, хотя и съ трудомъ, перешагнуть европейская цивилизациѣ. Многія важныя причины органическаго растлѣнія Турціи, вліяя въ то же время и на ея нравственные силы, обнаруживались лишь впослѣдствіи, доказывая свое вредное дѣйствіе статистическими данными, наглядно говорившими о численномъ уменьшеніи мусульманскаго населенія. Время отъ времени, въ европейской литературѣ появлялись указанія на печальное обстоятельство вырожденія мусульманскаго Востока и на тѣ причины, которыя таятся во внутренней и вѣшней его жизни. Между прочими писателями, Гаммеръ съ особенною подробностью перечисляетъ всѣ тѣ пороки, которые

растлѣваютъ физическое существованіе турокъ. Онъ говоритъ, что, въ связи съ многоженствомъ, у нихъ царитъ самый грязный развратъ, даже онанизмъ и содомія. Производить выкидыши—для женщинъ дѣло весьма обыкновенное, и онѣ рѣшаются даже на дѣтубійства. Злоупотребленіе табакомъ, кофе, спиртомъ и трудноваримою пищей, горячими ваннами,—все это порождаетъ болѣзни брюшныхъ органовъ, вызываетъ нервное разстройство, дрожаніе рукъ даже у юношей и многія другія. Доведенный до высшей степени истощенія, организмъ вначалѣ обнаруживаетъ свою недѣятельность, а потомъ и совсѣмъ прекращаетъ существованіе — умираетъ. Турецкій женскій міръ хотя и не подлежитъ прямому наблюдению, но и о немъ съ увѣренностью можно сказать, что онъ носитъ въ себѣ сѣмена тѣхъ пороковъ и болѣзней, при которыхъ немыслимо процвѣтаніе жизни, но вполнѣ возможна и ожидаема преждевременная дряхлость. При такомъ положеніи жизни не можетъ быть и рѣчи о турецкомъ господствѣ. По мѣрѣ того, какъ христіанскія народности все крѣпнутъ и крѣпнутъ, дряхлость турокъ становится все очевиднѣе и очевиднѣе. Они сами уже привуждены обращаться за помощью и крѣпко держатся за поданную имъ руку великой державы.

Философская мысль Корнеля, облеченнная въ поэтическую форму, какъ нельзя болѣе нашла себѣ подтвержденіе въ Турціи:

«Mais l'exemple souvent n'est un qu'miroir trompeur;
 Et l'ordre du Destin, qui gène nos pensées,
 N'est pas toujours écrit dans les choses passées.
 Quelquefois l'un se brise où l'autre s'est sauvé
 Et par où l'un périt un autre est conservé».

Въ этихъ стихахъ поэтъ выразилъ законъ природы, по которому все больное и отжившее свой вѣкъ уступаетъ мѣсто жизни молодой, начинающей.

Цѣльность Турціи и национальный принципъ ея христіанскихъ народностей.

Блестящія побѣды австрійскихъ войскъ подъ предводительствомъ принца Евгенія Савойскаго (въ XVII в.) и достославные походы русскихъ (въ XVIII и XIX вѣкахъ) почти до стѣнъ Константинаополя вызвали зависть въ государствахъ западной Европы, вслѣдствіе чего французы и англичане, или одни, или въ соединеніи съ другими государствами, стали оказывать Турціи свое покровительство и вступились за цѣльность ея территоріальныхъ владѣній. На парижскомъ конгрессѣ послѣ Крымской войны, въ 1856 году, въ соединенныхъ силахъ на защиту Турціи выступила вся европейская дипломатія. На основаніи парижского договора Турція была признана великою державою на правахъ, равныхъ со всеми европейскими государствами; причемъ была гарантирована ея цѣльность и нераздѣльность, т. е. пре-

дохраненіе ея отъ завоевательныхъ дѣйствій европейскихъ государствъ. А чтобы устранить ихъ прописки, особья стремленія и вмѣшательства, было постановлено interdictum prohibitum (наложеніе запрещенія). Турція же, съ своей стороны, обязалась: вводить законодательства и мѣропріятія, служащія къ ея обновленію и цивилизації. Hatti-humaин, составившій новое законоположеніе, обеспечивалъ равенство христіанъ съ магометанами и ограждалъ ихъ имущественные права. Но современемъ, по отношенію къ христіанамъ, проявились различныя теченія, то стѣснявшія ихъ, то опять возвращавшія имъ свободу. Отчасти вслѣдствіе безпечности и лѣни, отчасти вслѣдствіе индиферентизма высшихъ слоевъ общества въ государствѣ, произошло то, что стали прививаться не европейскія понятія, а лишь европейская амальгамировка, т. е., кажущійся проблескъ европеизма; такъ, напримѣръ: вводились европейскія учрежденія и постановленія, которыя затрогивали лишь внѣшнюю сторону предмета, но по внутреннему смыслу и разумѣнію все оставалось въ прежней силѣ, какъ и сами турки оставались тѣми же дoreформенными турками. Для введенія же въ Турціи европейской цивилизациіи существуетъ два пути: устраненіе или обходъ ислама и основательное европейское воспитаніе и образованіе. Немало было подано голосовъ за невозможность введенія европейскихъ учрежденій при исповѣданіи ислама; съ другой же стороны доказывалось противное. Всѣ

турки, долго проживавшіе въ Европѣ, будь это представители государства или частные люди, придерживаются послѣдняго мнѣнія (т. е. возможности нововведеній и при исламѣ). Такъ же думали паша Али и Фуадъ, высказавшіе свои взгляды въ духовныхъ завѣщаніяхъ *), равно какъ и много другихъ пашей, именъ которыхъ мы здѣсь не приводимъ. Это второе воззрѣніе постепенно приближается къ осуществлѣнію, но очень неровными шагами, ибо оно сопряжено съ борьбой съ предразсудками и многими другими трудностями. Основы турецкаго правленія проистекаютъ изъ многоразличной смѣси религіозныхъ толкованій, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ государственнымъ строемъ, поддающимся, подъ постояннымъ давленіемъ и требованіемъ иностраннѣхъ дипломатовъ, вліянію европеизма; но нынѣшній султанъ, вслѣдствіе своей набожности и перѣшительности характера, ставить государственное управление въ совершенно неопределенное и двусмысленное положеніе. Также и неравенство христианъ съ магометанами, по предписаніямъ корана, подъ вліяніемъ той же европейской дипломатіи, мало-малу исчезаетъ и теперь замѣчается весьма мало. Передаемъ здѣсь устное сообщеніе одного турецкаго сановника, который, какъ сынъ знаменитаго министра-реформатора при Абдуль-Меджидѣ, основательно знакомъ со всѣмъ переворотомъ, испытан-

*) См. «Der Kampf um Constantinopel», стр. 269 и 273.

нымъ Турціей въ послѣднія десятилѣтія. На вопросъ мой относительно этой реформы сановникъ отвѣчалъ: «Мы турки—исламъ у насъ держится крѣпко; мы не знаемъ ничего о реформахъ, ибо онъ составляетъ для насъ—все»; и т. д. Не смотря на такой положительный отвѣтъ, тотъ же сановникъ, спустя десять мѣсяцевъ послѣ этого разговора, представилъ султану проектъ о преобразованіи своего министерства. Изъ представленнаго примѣра видно довольно ясно, что взгляды, убѣжденія и много-лѣтняя опытность у турокъ подвержены частымъ колебаніямъ, ибо, находясь въ Константинополѣ подъ сильнымъ давленіемъ представителей европейскихъ государствъ, турки не могутъ болѣе дѣйствовать самостоительно, на основаніи своихъ личныхъ мнѣній, но должны приоравливаться ко взглядамъ той державы, влияние которой въ данное время преобладаетъ на Босфорѣ. Преобразованіе Турціи не имѣеть ничего общаго съ исламомъ, какъ многіе ошибочно предполагаютъ: оно должно быть направлено на отстраненіе или, если возможно, на искорененіе той массы злоупотребленій, которая являются послѣдствіями невѣжества, грубости, предразсудковъ и несправедливостей, влияя въ высшей степени неблагопріятно на государственное управление. Но чтобы освободиться отъ этой вѣковой огрубѣлости, надо ввести основательное образованіе и во всѣхъ отношеніяхъ европейскія учрежденія, чemu онѣ далеко не удовлетворяютъ въ ихъ настоящемъ видѣ.

Паризькіе трактаты имѣли несомнѣнно благотворное дѣйствіе, такъ какъ съ тѣхъ поръ многіе европейскіе ученые, въ особенности французы, заинтересованные состояніемъ Турціи, предпринимали путешествія—и на свой счетъ—по Балканскому и Малоазіатскому полуостровамъ, съ цѣлью изслѣдованія страны и изученія ея народностей. Съ этого времени и для христіанскихъ подданныхъ султана наступилъ новый періодъ.

Послѣ крымской кампаніи взоры всѣхъ христіанъ европейской и азіатской Турціи обратились на императора французовъ. Христіанскіе делегаты направлялись въ Парижъ, добивались аудіенціи Наполеона III въ тюльерійскомъ дворцѣ. Наступилъ періодъ броженія всѣхъ подвластныхъ скипетру султана христіанъ, которые, пользуясь благопріятными обстоятельствами, смѣло возвышали голосъ и требовали отъ правительства удовлетворенія своихъ народныхъ стремлений.

Если разобрать вопросъ о положеніи христіанскихъ подданныхъ Турціи, то надо сказать, что прежде всѣхъ обратилъ на него вниманіе Францискъ I, король Франціи, принявший подъ свое покровительство всѣхъ католическихъ христіанъ Востока. Россія же протянула руку помощи христіанамъ православнаго исповѣданія: молдаванамъ, валахамъ и грекамъ. Но пособіе обѣихъ державъ касалось только дѣлъ церковнаго богослуженія. Блестящія побѣды принца Евгенія Савойскаго пробудили въ сербахъ и валахахъ

нѣкоторыя упованія, но не оказали значительнаго вліянія на измѣненіе ихъ тяжелаго положенія: австрійцы не сумѣли своими дѣйствіями въ томъ вѣкѣ привлечь къ себѣ христіанъ Балканскаго полуострова. Но зато большое и благотворное вліяніе оказали на нихъ военные походы русскихъ въ прошломъ вѣкѣ. Послѣ цѣлаго ряда пораженій, турки постепенно утрачивали свое могущество, а христіане стали питать надежду на освобожденіе отъ тяжелаго ига. Въ началѣ борьбы за національную независимость всѣ христіане соединялись вмѣстѣ для противодѣйствія магометанству и его представительной власти; но съ теченіемъ времени, когда явилось сознаніе отдѣльныхъ національныхъ стремленій, сталъ отдельно вырабатываться и отдельный принципъ у румынъ, грековъ и славянъ, которые, всетаки совмѣстно дѣйствуя, все болѣе и болѣе ограничиваютъ турецкое господство. Соответственно же духу времени, когда у христіанскихъ подданныхъ еще слабо проявлялся національный принципъ, цѣльность и нераздѣльность Турціи признаны были необходимостью, ибо предполагали, что христіанскія народности легко подпадутъ владычеству сосѣднихъ государствъ. Но всѣ эти народности, въ силу дарованныхъ имъ правъ, пользовались и въ Константинополѣ, и въ провинціяхъ своимъ общіннымъ управлениемъ и, по своей обособленности, составили цѣльную и замкнутую группу, сохранившую свои исторические обычаи и своеобразную культуру съ нескрываемымъ стрем-

лениемъ къ свободѣ и независимому существованію, чего нѣкоторые изъ нихъ отчасти уже достигли.

Такія національныя движенія дѣйствуютъ ослабляющимъ образомъ на господствующую магометанскую власть, ибо она и до сихъ поръ еще не обнаружила способности упрочить свое государственное существованіе при этихъ новыхъ стремленіяхъ подвластныхъ народовъ, чтобы, соотвѣтственно духу времени, связать прогрессивнымъ развитіемъ государства интересы христіанъ съ интересами мусульманского міра.

По берлинскому международному трактату всѣ христіанскіе народы Турціи, обнаруживающіе признаки своей собственной народной жизни и представляющіе благопріятныя условія къ органическому существованію и развитію, признаны: въ Европѣ—греки, сербы, черногорцы, болгары; въ Азіи—армяне. Условія ихъ народного существованія и прогресса находятся на степени переходнаго состоянія и, подобно вулкану, по временамъ извергающему огонь, они отъ времени до времени обращаютъ на себя вниманіе цѣлой Европы, служа для нея предметомъ разговора во время своихъ столкновеній съ турками. Въ разныя времена, при мирномъ положеніи государства, христіанскіе подданные Турціи болѣе или менѣе благоденствовали и своимъ пробужденіемъ, какъ мы уже сказали, даже ослабляли господствующую власть. Но въ то же время и представители европейскихъ державъ вліяютъ на измѣненіе Тур-

ції и дають ея господству новое, своеобразное направление.

Итакъ, резюмируя и формулируя все вышепложенное относительно возникновенія принципа национальности у турецкихъ христіанъ, прійдемъ къ слѣдующему:

- 1) Национальный принципъ христіанскихъ подданныхъ Турціи возникъ постепенно, вслѣдствіе самостоятельного развитія христіанскихъ общинъ.
- 2) Помощь, оказываемая европейскими державами—Франціей, главнымъ образомъ, католическимъ, и Россіей православнымъ христіанамъ Востока—значительно вліяли на развитіе самостоятельности христіанскихъ общинъ.
- 3) Наступательныя войны сперва Австріи, потомъ Россіи, ослабляли Турцію и подавали христіанамъ надежду на осуществленіе ихъ стремлений къ свободѣ и независимости.
- 4) Французская революція, всеобщее броженіе умовъ въ Европѣ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія и наполеоновскія войны *) вызвали къ новой жизни всѣхъ подданныхъ Турціи, въ особенностіи христіанъ, по мѣрѣ развитія национального принципа которыхъ, постепенно сложилось сознаніе необходимости борьбы за свободу и независимость, примѣняясь къ обстоятельствамъ времени и мѣста.
- 5) Цѣльность и нераздѣльность Турціи—по трак-

*) См. Der Kampf. um Constantinopel, стр. 211 и слѣд.

татамъ парижскому и берлинскому, весьма благоприятствовали развитію и созрѣванію принципа национального сохраненія христіанъ.

6) Стремленіе христіанъ къ независимости постепенно ослабляетъ силы Турціи, подавая надежду въ будущемъ учредить, вмѣсто нынѣ гospодствующаго, новое государство. И если часть христіанъ скихъ подданныхъ Турціи успѣла освободиться, то остальные, еще входящіе въ составъ нынѣшней Турціи ненадежные подданные ея, именно: греки Эпира направляютъ свои взоры на свободную Грецію, жители Старой Сербіи—на Сербію, македонскіе болгары—на Болгарію, и т. д.

Будущность грековъ.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что наслѣдство турокъ принадлежитъ другимъ народамъ, изъ которыхъ о преимуществѣ грековъ, какъ прямыхъ наследниковъ, много говорилось и писалось въ кругу дипломатовъ и политиковъ прошлаго и нынѣшняго столѣтій. Неоднократно поднимался вопросъ о гospодствѣ грековъ и расширеніи ихъ владычества со дня борьбы за освобожденіе и независимость. Но въ окончательномъ смыслѣ и формѣ по сіе время ничего не решено: если есть дипломаты, которые заступаются за право и преимущества грековъ, то,

въ свою очередь, есть и такие дипломаты, которые не хотятъ признать за греками большихъ правъ, видя опасность въ ихъ возвышениі.

Послѣ взятія Константина ополя турками, греки получили отъ султана - завоевателя право имѣть совершенно отдѣльное отъ турокъ самоуправлѣніе въ сферѣ внутреннихъ дѣлъ съ патріархомъ, какъ представителемъ церкви, во главѣ. Такимъ образомъ, какъ грекамъ, такъ и магометанамъ была оказана значительная услуга, ибо этимъ путемъ, съ одной стороны, облегчилось и упростилось турецкое управлѣніе относительно грековъ, а съ другой—эти послѣдніе приняли условно - самостоятельное положеніе и подъ покровительствомъ патріарховъ сохранили, на сколько было возможно, свои церковныя и національныя права, преимущества и преданія старины.

Но, какъ побѣжденный народъ, греки не удовлетворились такимъ пріобрѣтеніемъ правъ, дарованныхъ и утвержденныхъ султанами какъ бы въ видѣ милости, и въ теченіе приблизительно 370 лѣтъ со дня завоеванія Константина ополя многократно брались за оружіе, чтобы освободиться отъ турецкаго ига. Большая суммы денегъ были истрачены на организованіе вооруженного восстания. Много грековъ стало жертвами своей національной преданности, много городовъ и селъ было разрушено и уничтожено, прежде чѣмъ покореннымъ удалось, наконецъ, отвоевать у турокъ небольшой ключекъ полуострова, старую Эладу, которая послѣ эпохи жесточай-

шихъ битвъ представляла страну съ населеніемъ до 400,000 человѣкъ.

Съ тѣхъ порь многіе изъ грековъ, воодушевленные торжествомъ народной свободы и содѣйствовавшіе словомъ и дѣломъ народному возрожденію, стали направляться изъ разныхъ мѣстностей въ столицу королевства—Аѳину (нынѣ городъ расположень возлѣ стараго Акрополя, снабженъ по европейскимъ образцамъ всѣми необходимыми учрежденіями и теперь имѣеть около 70,000 жителей). Медленно и постепенно развиваются въ новомъ королевствѣ науки и искусства подъ покровительствомъ юнаго правительства, которому значительно способствуютъ своими пожертвованіями многіе богатые греки-колонисты, разсѣянныя по разнымъ угламъ земнаго шара, но не утратившіе еще своихъ національныхъ чертъ и живаго участія въ судьбахъ своей родины.

Большая часть грековъ, однако, признаетъ, что нынѣшняя границы ихъ земельнаго владычества слишкомъ тѣсны и ограничены для полнаго развитія народныхъ силъ.

Инымъ характеромъ отличаются, иную картину представляютъ греки собственно Константинополя: среди нихъ значительное большинство составляютъ люди, преданные исключительно выгодамъ торговли, хотя и въ ихъ средѣ встрѣчаются личности, которыхъ учрежденіемъ и распространеніемъ школъ, по мѣрѣ силъ, способствуютъ умственному развитію и образованію своихъ соотечественниковъ. Но вся національ-

ная дѣятельность константинопольскихъ грековъ ограничивается только школьнімъ дѣломъ и благотворительными учрежденіями. На сколько всѣ учрежденія въ Константинополѣ школы успѣли повліять на пробужденіе народнаго духа и на сколько эти школы способствовали до сихъ поръ умственному развитію грековъ, относительно этого трудно дать въ настоящее время какое-либо положительное заключеніе; судя, по крайней мѣрѣ, по настоящему положенію греческаго населенія въ Константинополѣ, такого рода заключеніе не можетъ еще говорить въ пользу умственного прогресса тамошнихъ грековъ. Изъ числа почти 200,000 грековъ Константинополя только малая часть принадлежитъ къ персоналу служащихъ въ правительственныйыхъ мѣстахъ и къ званію учительскому; остальная и большая часть занимается исключительно торговлею, которая служить къ ея существованію и обогащенію. Для упомянутаго большинства грековъ школы не открываютъ обширнаго кругозора, и ихъ положеніе и условія жизни не пробуждаютъ въ нихъ какихъ бы то ни было высшихъ стремленій. Нѣтъ нынѣ въ Константинополѣ грековъ, которые пользовались бы свободнымъ положеніемъ и могли бы по своему усмотрѣнію распоряжаться своими доходами и употреблять ихъ на пользу высшихъ благъ своихъ соотечественниковъ. Греки здѣсь не могутъ образовать никакихъ обществъ или кружковъ общеполезной дѣятельности въ области умственныхъ интересовъ и прогресса.

Преданія и воспомінанія старини очень мало или вовсе не связываютъ ихъ съ отечественною почвою. Въ Константинополѣ нѣть людей съ высокимъ образованіемъ (не говоря уже о томъ, что наука и искусство не имѣютъ въ ихъ средѣ ни одного для себя представителя), и потому нѣть личностей, которые бы выдавались отличительными умственными качествами и были способны образовать особую партію или общество съ національными стремленіями.

Тѣмъ не менѣе, греки Константина ополя отличаются необыкновенною самоувѣренностью, вслѣдствіе всеобщаго невѣжества, что и служитъ въ средѣ ихъ причиною частыхъ раздоровъ, непостоянства и не прочности положенія. Но слѣдуетъ обратить вниманіе и на историческое прошедшее, былое счастіе и несчастіе народа, и знать всѣ условія и потребности, какія необходимо онъ долженъ развить въ себѣ для полнаго освобожденія и занятія независимаго положенія на берегахъ Босфора.

Въ этомъ отношеніи греческое населеніе Константина ополя, въ общемъ, находится на степени крайняго невѣжества и неопределенноти, ибо материальная выгода поглощаетъ всѣ помыслы и желанія; если отъ времени до времени и затрогиваются отдельными личностями тамъ и сямъ національные вопросы и соображенія, то бываютъ они самаго неопределенного и туманного характера. Мы уже упомянули, какъ объ историческомъ фактѣ, что вопросъ о господствѣ грековъ въ Константино-

полъ былъ не разъ предметомъ переговоровъ между дипломатами и монархами въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Русские военные походы противъ турокъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія, планы Екатерины Великой о раздѣлѣ Турціи и о возобновленіи греческой имперіи въ Константинополѣ занимали въ свое время всю Европу, но все разсужденія по этому поводу остались безъ результата. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Велингтонъ говорилъ австрійскому послу князю Эстергази въ Лондонѣ, что наступило благопріятное время для замѣщенія турокъ въ Константинополѣ греками. Какъ и при какихъ обстоятельствахъ могли бы греки занять мѣсто турокъ—на это не существуетъ до сихъ поръ никакого опредѣленнаго решенія. Но если предположить возможность возстановленія греческой имперіи на берегахъ Босфора, какъ мечтаютъ о томъ некоторые греки, то такой вопросъ о господствѣ грековъ въ Константинополѣ представляется въ высшей степени неосуществимымъ, даже невѣроятнымъ, ибо новообразованная греческая имперія не могла бы опираться для прочности своего существованія на принципъ национальный, но лишь на совокупность силъ разныхъ народностей греческаго исповѣданія, какъ это было со знаменитою въ свое время греко-восточною имперіею. Но теперь, при нынѣшнихъ условіяхъ существованія и народнаго прогресса, когда религіозный принципъ, ослабѣвая, уступаетъ мѣсто принципу национальному, возрож-

деніе греческой имперіи въ Константинополь практически немыслимо, почему и должно быть отнесено къ области фантазіи.

Когда приходится разбирать вопросъ о господствѣ грековъ въ Константинополь, то слѣдуетъ считаться съ мнѣніемъ о малоспособности и неподготовленности этого народа въ настоящее время принять на себя руководящую роль на Балканскомъ полуостровѣ и въ архипелагѣ. Если разобрать всѣ обстоятельства и условія политического и государственного быта современной Греціи, то приходится сознаться въ дѣйствительной политической незрѣлости грековъ, и, стало быть, въ невозможности для нихъ решать политический вопросъ о своей будущности и осуществлять на самомъ дѣлѣ какую-либо важную политическую комбинацію, касающуюся всего Балканского полуострова. При соврѣменныхъ политическихъ направлениихъ и условіяхъ для господства, славы и могущества извѣстнаго народа требуется безусловно, чтобы всѣ слои населения развились и усовершенствовались въ материальномъ и умственномъ отношеніяхъ; дающе, необходимо, чтобы народъ находилъ опору и содѣствіе въ сосѣдней или, соответственно обстоятельствамъ, въ одной изъ великихъ державъ, и наконецъ, чтобы внутренняя организація и сознаніе своего национального права находились у него на прогрессивномъ пути развитія. Безъ этихъ условій, даже при энтузіазмѣ и патріотиче-

скомъ воодушевлениі народа, никогда не достигается никакая общенаціональная цѣль.

При существующемъ положеніи дѣль греки не могутъ заявлять какія-либо права на берегахъ Босфора, относительно котораго каждая политическая проблема должна для своего осуществленія удовлетворять слишкомъ сложнымъ требованіямъ и условіямъ. Но, спустя сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ, при третьемъ поколѣніи, могли бы наступить для грековъ благопріятныя обстоятельства, способныя способствовать совершенней независимости всѣхъ грековъ въ совокупности. Греки въ продолженіе болѣе тысячелѣтняго своего существованія могли достигнуть высшаго совершенства, по сравненію съ другими народами, въ области философіи, поэзіи, скульптуры и т. д.; они прославились героическими подвигами и высшимъ торжествомъ въ борбѣ съ врагами отечества. Даже не смотря на послѣдовавшія затѣмъ рабство и униженіе, угрожавшія самому народному существованію грековъ, этотъ народъ продолжаетъ жить и питать надежды, правда, еще неопределенные, на возвращеніе утраченного могущества. Въ средніе вѣка греки были единственными свѣточами среди всеобщаго умственнаго помраченія Европы: они охраняли, на сколько могли, древнюю цивилизацію и передали западной Европѣ своихъ лучшихъ древнихъ классиковъ, философовъ, историковъ, поэтовъ. Греческія образцовые произведенія послужили основаниемъ возрожденія искусствъ и наукъ въ Европѣ.

Съ наступлениемъ нынѣшняго столѣтія и въ наши дни греческие классики много способствуютъ фундаментальному образованію молодаго поколѣнія и выдающихся людей въ области науки и искусствъ, болѣе и основательнѣе знакомыхъ съ греческою литературою, чѣмъ всѣ современные греки.

Вѣковое рабство удерживаетъ нынѣшніхъ грековъ въ застоѣ. Современному греку предстоитъ великая работа для освобожденія себя отъ умственного рабства и для достиженія правильнаго пониманія національной независимости и свободы. Наступленіе такого счастливаго момента, конечно, нельзя предвидѣть въ скоромъ времени, но зато при этомъ условіи греки могутъ разсчитывать не только на содѣйствіе великихъ державъ, но даже на помощь и пособіе всей Европы.

Европейская дипломатія въ своемъ отношеніи къ грекамъ не всегда имѣеть одинаково постоянный характеръ, часто предоставляемъ ихъ судьбу роковому теченію событий. Конечно, она болѣе или менѣе даетъ направленіе дѣламъ грековъ, но во всякомъ случаѣ современная дипломатія вовсе не заботится объ устроеніи грекамъ новой, по преимуществу, народной организаціи. Если сами греки будутъ идти путемъ современного прогресса и расширять кругъ своей національной дѣятельности, то дипломаты въ такомъ случаѣ не могутъ вмѣшиваться прямо въ ихъ дѣла, но примутъ къ свѣдѣнію совершившіяся события и утвердять ихъ по тѣмъ особымъ правиламъ,

которая въ разныхъ политическихъ осложненіяхъ предписывается самой логикойъ событий (*logique des faits*). Дипломатія, вообще говоря, въ дѣлахъ Востока часто должна опираться и соглашаться съ такими событиями и обстоятельствами, фактическаго существованія которыхъ она даже и не признала бы въ другое время; притомъ часто она не имѣеть опредѣленной программы дѣйствій и лишена самодѣятельности и собственной иниціативы. Развязка сложныхъ историческихъ событий бываетъ часто такъ сильна и такъ далека отъ подчиненія предварительнымъ соображеніямъ и предположеніямъ дипломатіи, что нерѣдко принимается для этой послѣдней совершенно неожиданный оборотъ, при чмъ одинъ какои-либо вопросъ съ упорностью выступаетъ на сцену среди всѣхъ другихъ политическихъ соображеній и дѣйствій. Если разсматривать вопросъ о будущности грековъ съ точки зрењія ихъ современного положенія, на основаніи ихъ природныхъ способностей и стремлений, то приходится имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: хотя жизненный идеалъ грека, какъ и всѣхъ вообще южныхъ народовъ, и ограничивается пріятнымъ времяпрепровождениемъ и безпечной праздностью, но въ то же время онъ обитатель морской страны, сынъ природы, и, слѣдовательно, съ дѣтства направляетъ свою дѣятельность на поприще торговли. Такимъ образомъ, если бы эти природныя особенности грековъ ничемъ не были задержаны въ своемъ дальнѣйшемъ разви-

тії, то легко предположить, что, утвердивъ свое господство на берегахъ Босфора, греки могли бы быстро распространить его отсюда на соседнія Черное и Средиземное моря. Но въ такомъ случаѣ греки заняли бы первое мѣсто на Востокѣ въ отношеніи судоходства и торговли, что, понятно, не замедлило бы вызвать въ другихъ державахъ зависть и недоброжелательство. Подобного рода соображеніями пѣкоторыя великия державы до сихъ поръ руководствуются относительно грековъ, вслѣдствіе чего и стараются противодѣйствовать расширенію ихъ власти и дальнѣйшему господству. Прежде всего Россія, не смотря на одинаковыя религіозныя вѣрованія, будетъ вызывать всевозможныя препятствія и пускать въ ходъ всѣ средства, чтобы оградить свое неограниченное вліяніе на Черномъ морѣ отъ греческой конкуренціи и домогательствъ. Россія будетъ всегда заботиться о томъ, чтобы не допустить на Босфорѣ усиленія грековъ или другаго народа, если сама не приобрѣтеть возможности утвердить тамъ свое владычество. Съ другой стороны и Англія, какъ первая морская держава, у которой кругъ торговой дѣятельности и власти простирается на всѣ моря, не допустить, чтобы Греція расширялась и захватила въ свои руки первенство на южно-европейскихъ водахъ, понимая, что въ такомъ случаѣ торговально-политическое положеніе Англіи на Востокѣ на tolknetsya на явные и чувствительныя преграды. Между государственными людьми Англіи часто воз-

никали вопросы и открытыя письменныя заявленія о томъ, что объединеніе Италіи и усиленіе итальянскаго флота въ будущемъ неблагопріятно повліяетъ на судоходство и торговлю Англіи въ Средиземномъ морѣ. Въ Англіи существовала даже одна политическая партія, которая открыто враждовала противъ объединенія Италіи. Въ Англіи уже предвидѣть всѣ послѣдствія, могущія произойти отъ того обстоятельства, когда къ итальянскому флоту присоединится еще греческій, и оба сообща постараются вытѣснить англійскій флагъ изъ морей Востока. (Эти строки были уже написаны, когда состоялась послѣдняя блокада (въ мартѣ 1886 г.) греческихъ гаваней; это совокупное дѣйствіе великихъ державъ служитъ подтвержденіемъ вышеизложеннаго нашего воззрѣнія, что европейскія державы не очень будутъ способствовать расширепю власти и развитію Гречіи, въ особенности же усиленію ея флота, о чёмъ не разъ и высказывались мы предъ вліятельными греками Константиноپоля въ бытность нашу въ послѣднемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ).

Въ послѣднее десятилѣтіе Австрія и Германія настойчиво стремились расширить кругъ своей торговой дѣятельности на Средиземномъ морѣ и на Востокѣ, и потому трудно утверждать, чтобы эти великия державы могли спокойно и беспристрастно взирать на процвѣтаніе и усиленіе въ указанныхъ мѣстностяхъ греческаго вліянія. Гораздо легче допустить противное, на что есть больше оснований.

Изъ всего вышеизложенного явствуетъ, что грекамъ предстоитъ чрезвычайныя трудности съ вопросомъ о принятии турецкаго наслѣдства въ Константинополь. Дѣйствительное положеніе дѣль совершенно оправдываетъ жалобы на Европу греческихъ патріотовъ, которые утверждаютъ, что со временемъ провозглашенія греческой независимости великия державы оказываютъ Греціи только платоническую любовь и ласковость, постоянно отказывая ей въ активномъ содѣйствіи и пособіи. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на одно важное обстоятельство, а именно,—что окончательная политическая независимость грековъ обусловливается тѣмъ направленіемъ, котораго они будутъ придерживаться при достижениіи своей политической цѣли. Факты показываютъ, что тѣ земельныя владѣнія, которыя съ давнихъ порь были извѣстны, какъ греческія, теперь заняты и населены славянами, къ каковымъ землямъ принадлежать, напримѣръ, Румелія и Македонія. Въ этихъ провинціяхъ греки обитаютъ только по приморской береговой полосѣ, внутри же самыхъ провинцій трудно отличить грека отъ болгарины, тѣмъ болѣе, что между земельными участками того и другаго народа не проведено никакихъ межевыхъ линій и разграниченій. Зато острова Архипелага, Кандія, западная береговая полоса Малой Азіи,—гдѣ красуется замѣчательный торговый греческій городъ Смирна,—и другія прибрежныя полосы Малой Азіи населены значительною массою грековъ и

представляютъ для своихъ европейскихъ собратій
весьма надежную опору при осуществлении ими сво-
ихъ замысловъ въ смыслѣ развитія и расширенія
политическаго господства грековъ.

Виѣшняя иностранная помощь и содѣйствіе, ко-
торыя въ началѣ нынѣшняго столѣтія были по пре-
имуществу направлены въ пользу независимости грек-
ковъ, перешли постепенно на славянъ, слѣдствіемъ
чего въ послѣднее десятилѣтіе явилось учрежденіе
болгарскаго княжества. Мы коснулись судьбы бал-
канскихъ славянъ, темы, на столько интересной и
близкой къ занимающему насъ вопросу, что на ней
необходимо остановиться подольше.

Народы Балканского полуострова.

Балканскіе славяне пользуются своимъ новымъ
политическимъ положеніемъ по сравненію съ греками,
въ относительно позднія времена. Если греки, бла-
гопріятствуемы морскимъ положеніемъ, часто по-
дымали оружіе за свою независимость, то сербы и
болгары, совершенно замкнутые на полуостровѣ
среди другихъ народовъ, находились сравнительно
дольше въ отцепеніи и снѣ. Побѣды надъ турками
австрійцевъ, подъ предводительствомъ принца Евге-
ния Савойскаго, пробудили сперва сербовъ, у кото-
рыхъ народный принципъ лучше былъ сохраненъ,
чѣмъ у болгаръ; но при всемъ томъ они не могли

окончательно освободиться отъ тираннической власти турокъ. Въ тѣ времена не могло быть въ Европѣ рѣчи о какомъ-либо принципѣ народности; поэтому понятно, что Австрія, озабоченная къ тому же внутренними дѣлами и виѣшими завоеваніями до береговъ Дуная, не могла обратить вниманія на балканскихъ христіанъ. Но русскіе походы противъ Турціи имѣли символомъ торжество восточнаго креста, и русскіе поощряли словомъ и дѣломъ своихъ единовѣрцевъ браться за оружіе противъ общаго врага—магометанъ. Балканскіе славяне тѣхъ временъ привѣтствовали русскихъ, какъ своихъ освободителей. Если всѣ христіане въ совокупности выказывали стремленіе освободиться отъ магометанскаго ига, то тѣмъ не менѣе они не могли дѣйствовать одинѣми собственными силами, безъ помощи и содѣйствія извнѣ. Русскіе вступали въ дружескія сношенія со всѣми христіанами безразлично, заключали съ ними всеобщій союзъ и снабжали ихъ деньгами и оружиемъ.

Русскіе походы много способствовали пробужденію христіанъ Турціи и послужили имъ рычагомъ для начатія новой политической жизни. Черногорцы, молдаво-валахи, сербы, греки, наконецъ, болгары последовательно, одни за другими, призваны къ независимости и самостоятельной дѣятельности, что является однимъ изъ самыхъ важныхъ и поучительныхъ явлений современной исторіи вообще и Востока въ частности. Россія, освободившая всѣ

этн народы полуострова, предоставила ихъ затѣмъ собственной участіи, имѣя въ виду или не имѣя то обстоятельство, чтобы они остались на разныхъ правахъ и условіяхъ ихъ политического существованія. Мы замѣтили, какъ съ теченіемъ времени молдаво-валахи, сербы и греки, въ силу принципа собственной народности, организовались постепенно въ маленькия королевства, не подвергаясь исключительному вліянію одной иностранной державы, но склоняясь отъ времени до времени на сторону той или другой изъ нихъ. Въ дѣлѣ государственного преобразованія національного развитія, военнай организаціи и внутренняго управления принципы державъ западной Европы и особенно Франціи были по преимуществу желательны и воспринимаемы балканскими племенами. Равнымъ образомъ, при всѣхъ особенностиахъ своей внутренней жизни, нравовъ и обычаяхъ, народы Балканского полуострова были болыше приверженцы и послѣдователи французовъ и въ дѣлѣ образованія и умственного прогресса. Только въ отдельныхъ случаяхъ и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ Россія или Австрія выказывали свое вліяніе. Таково было положеніе народовъ Балканского полуострова до послѣдней русско-турецкой войны и берлинского договора, въ силу котораго Болгарія достигла своей независимости.

Съ освобожденіемъ Болгаріи наступилъ новый политический періодъ жизни балканскихъ народовъ; вмѣстѣ съ этимъ измѣнились и отношенія Европы

къ этимъ народамъ. Всѣ великия державы стали теперь обращать большое вниманіе на маленькия государства полуострова; даже ничтожныя приключенія и событія, здѣсь совершившіяся, были подробно сообщаемы европейскимъ державамъ, и всюду по полуострову были разосланы многочисленные политические и торговые агенты. Освобожденные болгары сначала больше всѣхъ другихъ балканскихъ народовъ были подчинены вліянію Россіи, но затѣмъ Болгарское княжество, на ряду съ другими вновь организованными маленькими государствами, начало слѣдовать по тому пути и направленію, которые уже были выработаны этими сосѣдями, т. е. стало стремиться къ полной народной независимости.

Народные представители, туземные граждане и патріоты маленькихъ государствъ полуострова носились съ мыслью (которую даже свободно выражали) о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза между пятью балканскими государствами: Румыніею, Сербіей, Греціей, Черногоріей и Болгаріей. Но нѣкоторые предразсудки, частные интересы и неравенство умственнаго развитія и образованія служатъ по сіе время препятствіемъ къ осуществленію этого намѣренія, по крайней мѣрѣ, призываютъ отложить мечту о народномъ балканскомъ союзѣ на неопределеннное время. Если такого рода союзъ малыхъ дунайскихъ и балканскихъ государствъ вообще возможенъ и осуществимъ, то вопросъ о конфедерациіи балканскихъ штатовъ, или о

государственному балканскому союзу народовъ есть только вопросъ времени. Понятно, что такая конфедерация можетъ быть только разнородного, въ смыслѣ происхожденія, характера, ибо три балканские народы—сербы, черногорцы и болгары съ одной стороны, румыны и греки съ другой, представляютъ, съ точки зренія ихъ національности, элементы, весьма несходные между собою; хотя всѣ они принадлежатъ къ одной и той же церкви, но при современныхъ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ жизни принципъ народности превышаетъ требованія церкви. Однако, и при такомъ составѣ дунай-баланская конфедерация была бы въ силахъ воспротивиться господству турокъ на Босфорѣ. Что касается до великихъ державъ, то въ этомъ отношеніи политическая воззрѣнія дѣлятся между западноевропейскими державами и Россіею; изъ западныхъ державъ Австрія, Италия и Англія сильнѣе другихъ озабочены балканскими дѣлами, и ихъ усилия направлены по преимуществу на образование маленькихъ штатовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Изъ трехъ поименованныхъ государствъ наиболѣе настойчиво преслѣдуется эту цѣль Австрія, какъ въ силу своего государственного принципа и автономіи своихъ отдельныхъ и разнородныхъ народовъ, такъ и для распространенія своего моральнаго вліянія и власти на Балканахъ. Что касается Россіи, то для нея важенъ одинъ вопросъ, именно славянскій, который долженъ повлиять на преобразованіе балканскихъ

государствъ и устранить всякия другія требованія и попытки въ этомъ отношеніи. Учрежденіе конфедеративныхъ штатовъ дастъ новое направлѣніе и развитіе народамъ полуострова и будетъ притягательно дѣйствовать на австрійскихъ славянъ. Но если, съ теченіемъ времени, изъ среды конфедерациіи выступятъ добровольно или вслѣдствіе какихъ-либо побудительныхъ причинъ и обстоятельствъ балканскіе славяне и протянуть руку Россіи, тогда, въ силу тѣхъ же обстоятельствъ, осуществится принципъ панславизма подъ верховной властью Россіи, и возникнетъ новый порядокъ и новое направлѣніе среди будущихъ политическихъ событій этихъ народовъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ, т. е. будетъ ли конфедерациія, или утвердится верховенство Россіи, государственный дѣла въ Россіи и Австріи примутъ новый поворотъ, болѣе или менѣе отличающейся отъ нынѣшняго теченія дѣль. Такимъ образомъ, политический мракъ, господствовавшій въ отношеніи балканскихъ народовъ, постепенно разсѣялся и образовались два противныя другъ другу политическія стремленія, которые ведутъ между собою упорную борьбу за первенство. Для предсказанія будущихъ судебъ и преобразованій среди балканскихъ народовъ нельзя привести никакихъ историко-политическихъ основъ и теорій вѣроятностей, если только западныя державы будутъ уступчивы къ Россіи, или Россія окажеть западнымъ державамъ известную

долю податливости. Напротивъ, если согласіе между западными державами и Россіей не установится,— война неминуема. Побѣдившая сторона захочеть тогда имѣть въ своемъ распоряженіи Средиземное море, ибо все значеніе побѣды кроется только въ томъ обстоятельствѣ, чтобы пользоваться верховною властью на Средиземномъ морѣ. Отношеніе балканскихъ народовъ и Константинополя къ западнымъ державамъ и къ Россіи служать лишь предлогомъ къ достижению упомянутой цѣли. То государство, которое захватить первенство на Средиземномъ морѣ, будетъ заботиться о распространеніи своей власти и на Азію, ибо, по разрѣшеніи ближайшаго восточнаго вопроса, неминуемо выступить на очередь вопросъ азіатскій, въ настоящее время еще слишкомъ неопределенный и несозрѣвшій. Въ этомъ заключается ходъ и теченіе современной исторіи.

Отношеніе Россіи и западныхъ державъ къ балканскимъ народамъ.

Прошло почти двѣ сотни лѣтъ съ того времени, какъ Россія, стряхнувъ съ себя вліяніе старины, стала постепенно придерживаться цивилизаціи западной Европы; одна эпоха русской жизни известна такимъ полнымъ подражаніемъ, что даже нравы и обычай частной и общественной жизни, литература и промышленность были приспособлены на господ-

ствовавшій въ серединѣ прошлаго столѣтія французскій ладъ. Но въ Москвѣ, гдѣ менѣе сказалось чужеземное вліяніе, образовался кругъ людей, которые поставили себѣ задачею воздержаться отъ подражанія Западу и сохранить какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ славянскій или старорусскій элементъ. Люди этого круга стали затѣмъ объѣзжать съ начала нынѣшняго столѣтія и особенно въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, нѣкоторыя провинціи Турціи, населенные славянами; здѣсь они собирали славянскія народныя пѣсни, легенды и сказки и, по возвращеніи въ Москву, старательно ихъ разрабатывали и печатали. Слишкомъ ярые приверженцы славянства, среди которыхъ были и университетскіе профессоры, доходили даже до того въ своемъ энтузіазмѣ, что одѣвались въ славянскій костюмъ, съ бараньемъ шапкой и высокими сапогами и опоясывались ремнемъ. Представители славянскаго направленія получили название славянофиловъ, и нѣкоторые изъ нихъ были извѣстны, какъ писатели съ большими дарованіями, старавшіеся въ русской филологіи и литературѣ держаться главнымъ образомъ славянскихъ основъ. Въ шестидесятыхъ годахъ кругъ славянофиловъ значительно расширился и вступилъ въ близкія отношенія къ правительственнымъ сферамъ. Подъ вліяніемъ славянофиловъ, правительство посыпало людей ихъ категоріи въ славянскія земли и учреждало при университетахъ и семинаріяхъ

стипендії для балканскихъ славянъ. Мало-но-малу славянскій кружокъ въ Москвѣ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ значительные капиталы, сталъ издавать газету и основалъ для дальнѣйшаго развитія своихъ плановъ цѣлое общество. Въ началѣ своего возникновенія славянскій кружокъ походилъ по своему положенію и направленію на западно-европейскій кружокъ ученыхъ и изслѣдователей древностей, какихъ немало въ Германіи, Франціи и Англіи, и которые направляются въ Римъ, чтобы разыскать, на основаніи изслѣдованій и наблюденій, существующую связь между цивилизацией западной Европы и древняго Рима.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы славянскій кружокъ сталъ пріобрѣтать большее развитіе и значеніе, и, наконецъ, съ согласія правительства, былъ преобразованъ въ славянскій комитетъ, при особыхъ правахъ и полномочіяхъ по отношенію къ балканскимъ славянамъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что славянскій комитетъ, въ 1867 году, во время московской этнографической выставки, созвалъ на общиѣ съѣздъ всѣхъ выдающихся славянскихъ дѣятелей изъ земель Турціи и Австріи, причемъ всѣ приглашенные гости были собраны и содержимы въ Москвѣ на счетъ русскаго правительства.

Во время послѣдней русско-турецкой войны славянскій комитетъ въ совершенствѣ проявилъ свою дѣятельность, которая имѣла человѣколюбивое направленіе въ смыслѣ развитія всеобщаго славянскаго

собратства. Славянскій вопросъ получилъ тогда во всей Россіи преобладающее значеніе, хотя по временамъ и раздавались голоса частныхъ лицъ противъ всеобщаго славянскаго движенія и газетными статьями старались удержать народъ отъ увлеченія. Какъ бы то ни было, но послѣдняя русско-турецкая война 1877 года была предпринята исключительно съ цѣлью освободить славянъ—«братушекъ»—отъ турецкаго ига. Сербы, подъ предводительствомъ генерала Черніева, открыли военные дѣйствія, а русскія войска совмѣстно съ болгарскими добровольцами побѣдоносно окончили войну, первымъ слѣдствіемъ чего было получение болгарами свободы и независимости. Австрія отнеслась къ этимъ событиямъ сдержанно, и, такимъ образомъ, Россія преобладала на всѣхъ пунктахъ Балканскаго полуострова; всеобщее единеніе балканскихъ славянъ представлялось близкимъ и вполнѣ осуществимымъ. Политическая судьба сербовъ, болгаръ и черногорцевъ находилась въ рукахъ Россіи, которая могла свободно распоряжаться дальнѣйшими преобразованіями, даже проведеніемъ новыхъ границъ для балканскихъ народовъ. Границы Великой Болгаріи, а слѣдовательно и славянства, были уже обозначены и доходили по санъ-стефанскому договору до самаго Эгейскаго моря; множество вооруженныхъ силъ Россіи были расположены по берегамъ Мраморного и Эгейскаго морей для выполненія дальнѣйшихъ цѣлей и предписаній русскаго правительства. Греки, находясь подъ сильнымъ дав-

лениемъ Англіи, не смѣли въ это время думать о какой либо попыткѣ къ самостоятельной дѣятельности и даже казались совершенно безсильными. Что касается турокъ, то они были до того ослаблены и унижены пораженіемъ, что, казалось, близокъ былъ моментъ ихъ уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, изгнанія. Такимъ образомъ, идея объ осуществлении славянскаго единства носилась, такъ сказать, въ воздухѣ, настраивая радостно однихъ и пробуждая тревожныя опасенія въ другихъ. Вся Европа взирала съ сердечнымъ трепетомъ на грядущій политическій переворотъ на Балканскомъ полуостровѣ, и никто не могъ предсказать, что будетъ дальше. Случилось то, чего уже никакъ нельзя было ожидать: вместо вознагражденія и торжественнаго вѣнчанія побѣды, русскія войска отступили; русское правительство принуждено было заключить миръ и выразить затѣмъ на берлинскомъ конгрессѣ свои требованія умѣренно и уступчиво. Причины, по которымъ дѣло приняло такой оборотъ, толкуются весьма различно въ Россіи и западной Европѣ. Во всякомъ случаѣ важно то, что Болгарія была освобождена и организовалась въ самостоятельное княжество, составившее предметъ дальнѣйшихъ заботъ для русскихъ дипломатовъ и государственныхъ людей. Если некоторые изъ послѣднихъ думали снабдить княжество новымъ управлениемъ и новыми учрежденіями по русскому образцу, то другіе, напротивъ, полагали, что лучше будетъ предоставить

болгаръ ихъ собственной участіи и ініціативѣ безъ посторонняго вмѣшательства; между этими двумя противоположными воззрѣніями были и другія разныя предположенія, правда, направленныя къ будущему устройству и организації Болгаріи, но, къ сожалѣнію, страдающія отсутствіемъ стройнаго плана и единства. Въ это время болгары были вовсе неготовы къ самоуправлѣнію и вовсе не имѣли выдающихся людей для руководства дѣлами княжества; князь-управитель былъ молодъ и неопытенъ, а Россія, кроме молодыхъ офицеровъ штаба для обученія болгаръ военному дѣлу—что выполнялось очень хорошо—не посыпала вовсе свѣдущихъ людей для веденія судебнай, финансовой и учебной частей. Между тѣмъ, какъ обстоятельства и положеніе дѣль въ Болгаріи требовали имѣть хорошихъ инструкторовъ по всѣмъ отраслямъ управлѣнія, на эти должности попадали заносчивыя и невѣжественные личности, которые ни въ дѣлѣ государственного управлѣнія, ни въ вопросахъ вѣнѣшней политики не имѣли никакого понятія. Что касается земледѣлія, сельскаго хозяйства, горнаго и лѣснаго вѣдомства, которыхъ находились въ самомъ жалкѣ и запущенномъ состояніи, то и въ этихъ областяхъ никакія старанія не принимались къ ихъ преобразованію и улучшенію, по тому же отсутствію знающихъ людей. Нигдѣ въ странѣ нельзя было замѣтить канализаціи, постройки мостовъ и дорогъ. Только нѣсколько каменныхъ строеній прибавилось въ Софіи и Филиппо-

полѣ, да и то лишь подъ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли между болгарами русскіе. Въ началѣ своей независимости Болгарія походила на ребенка, котораго слѣдовало ввѣрить здоровой и опытной королицѣ и котораго, вмѣсто правильнаго питанія и воспитанія, предоставили его собственной волѣ, капризамъ, лакомству и вреднымъ забавамъ. Подобно всѣмъ освобожденнымъ христіанскимъ народамъ полуострова, Болгарія проложила себѣ дорогу съ сохраненіемъ своей национальной независимости и, помѣрѣ силъ, старалась обособиться въ своихъ границахъ отъ всякаго посторонняго вліянія. Множество болгарскихъ студентовъ стало направляться въ центры европейскаго просвѣщенія и наполнять аудиторіи и залы университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Австріи, Германіи, Швейцаріи, Франціи и Бельгіи, гдѣ они упорнымъ трудомъ стараются приготовить себя къ предстоящей дѣятельности на пользу и счастіе своей родины и своего народа.

Вліяніе русскихъ офицеровъ въ Болгаріи стало постепенно ослабѣвать и исчезать; они были этимъ сильно затронуты и, наконецъ, совсѣмъ покинули Болгарію, которая, такимъ образомъ, осталась въ исключительной власти своихъ же представителей. Такой ходъ событий невольно приводить на умъ одно мнѣніе, приблизительно въ слѣдующихъ словахъ:

«Не довольно было жертвою крови и денегъ связать съ нами Болгарію, но узы современной ци-

вилизаций и прогресса должны были соединить русскихъ съ болгарами, чего не достигнуто до сихъ поръ!» Въ этихъ словахъ кроется сознаніе собственной ошибки со стороны Россіи, ибо въ мирное время болгары лишены были твердой почвы подъ ногами и не имѣли опытныхъ руководителей на пути умственнаго труда и развитія.

Съ открытиемъ въ княжествѣ новыхъ административныхъ учрежденій, всѣ, кто могъ изъ болгаръ, бросились на правительственный льготныя мѣста: молодой и старый, высокаго и низкаго происхожденія и положенія, богатый и бѣдный, но почти всѣ бездарные, несвѣдущіе и своеокрыстные. Непользовавшіеся до этого времени какимъ-либо значеніемъ, или, если и пользовавшіеся, то ничтожнымъ, эти люди стали принимать активное участіе въ административной машинѣ; послѣдствіемъ было то, что власть приняла колеблющіяся, шаткій, усложненный характеръ. Каждый болгаринъ, какъ бы онъ ни былъ невѣжественъ, сталъ считать себя въ правѣ свободно подвергать своей критикѣ все, что касалось политического строя страны; каждый мыслилъ сдѣлаться болгарскимъ министромъ, чтобы осчастливить свое отечество; всѣ недовольные и неудовлетворенные направлялись массами и поодиночкѣ изъ Восточной Румелии въ Болгарію и изъ Болгаріи въ Восточную Румелию для агитации и осуществленія своихъ личныхъ цѣлей. Политическая интрига,пущенная изъ Филиппополя, въ первое пятилѣтіе бол-

гарской независимости, тревожила всѣхъ мирныхъ гражданъ, тайно подстрекая ихъ къ агитации, цѣль которой заключалась въ осуществлениіи неблаговидныхъ и корыстолюбивыхъ замысловъ одного посѣдѣвшаго лицемѣрного турецкаго чиновника, выдававшаго себя, смотря по личному усмотрѣнію и выгодамъ, то туркомъ, то болгариномъ, то грекомъ и приверженцемъ то Турціи, то Австріи, то Россіи. Немногіе въ Болгаріи знали и понимали его настоящія стремленія и прописки, пока, наконецъ, онъ не былъ сверженъ съ занимаемаго имъ поста и удаленъ изъ Болгаріи.

Послѣдствіемъ упомянутой агитациіи была политическая сумятица, которая овладѣла всѣми умами. Вообще, за это время все—и хорошее, и дурное—совершалось въ Болгаріи безъ опредѣленной системы и предварительныхъ соображеній. Но мало-по-малу времена измѣнились; между тѣмъ, какъ множество новыхъ лицъ, одни за другими, стали руководить дѣлами государства; между тѣмъ, какъ политический горизонтъ началъ часто менять свои цвѣта, Болгарія стала чувствовать въ себѣ силы держаться крѣпко за національную самостоятельность. Съ другой стороны, и Россія, освободившая Болгарію отъ турецкаго ига, ни въ какомъ случаѣ не согласилась бы выпустить ее окончательно изъ сферы своего политического вліянія, ибо Болгарія представляетъ весьма важную стратегическую и политическую позицію для осуществлениія дальнѣйшихъ плановъ Рос-

сії на Востокѣ. Какъ великая военная держава, Россія не упускала случая, чтобы, въ теченіе хоть одной четверти столѣтія, не выразить стремленій своей традиціонной политики на югъ, въ формѣ ли военныхъ дѣйствій, или въ видѣ дипломатическихъ переговоровъ. Все это хорошо видно изъ самаго хода событий на Востокѣ (См. «Der Kampf um Constantinopel»). Если разматривать вопросъ съ чисто русской точки зреянія, къ такому образу дѣйствій Россіи представляется много причинъ, не лишенныхъ исторического значенія и основаній. Въ прежнія времена, а отчасти и теперь, связь Россіи съ Константинополемъ выражалась церковными сношеніями; съ балканскими же народами соединяютъ Россію этническія и рассовыя отношенія. На этихъ двухъ основахъ зиждятся попытки Россіи къ достижению своихъ цѣлей на югѣ, и весьма замѣчательно, что слабѣющая годъ отъ году Турція не можетъ оказать Россіи никакого или весьма слабое сопротивленіе, между тѣмъ какъ силы Россіи, какъ сухопутныя, такъ и морскія, съ году на годъ все болѣе и болѣе возрастаютъ. Очевидно, что Болгарія можетъ служить для послѣдней военною форпостною стоянкою на Балканахъ.

Если крупные народные расы, какъ романская и германская, руководятъ другими, болѣе мелкими племенами по связи съ ними въ отношеніи этнографическомъ, то Россія, слѣдя тому же принципу, стремится стать, какъ руководящая власть, во главѣ

своихъ собратовъ по расѣ—славянъ. Неизвѣстно еще, какія средства она употребить для достижения своей цѣли, но не мѣшаетъ между прочимъ замѣтить, что одни военные завоеванія не составляютъ въ наше столѣтіе дѣйствительныхъ преимуществъ къ упроченію своего положенія и занятію первенствующаго мѣста среди другихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ, соединеніе всѣхъ славянъ подъ верховенствомъ Россіи, причемъ малые народы другаго племени, напримѣръ греки, должны вступить въ общий потокъ славянства, было давно уже предусмотрѣно *). Но

*) Мы запимствуемъ изъ дневника д-ра Bary O'Meara, англійскаго врача, который пользовалъ Наполеона на о. Св. Елены и часто вѣлъ съ нимъ бесѣды о разныхъ политическихъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что замѣчанія Наполеона касательно будущности Россіи получаются особенный теперь интересъ. Однажды, въ маѣ мѣсяцѣ 1817 года, Наполеонъ сказалъ доктору: «наступить день, когда Россія захочетъ напасть на Индію или наброситься со всемъ силой, съ цѣлью завладѣть лучшую частью Европы. Когда императоръ Павелъ разгнѣвался на Англію, онъ просилъ меня приготовить и послать ему планъ завоеванія Индіи, что мною и было сдѣлано». Затѣмъ, проводя пальцемъ по карте, онъ прибавилъ: «чтобы овладѣть центральною Азіею, Россія должна имѣть гавань по ту сторону Каспійскаго моря». Изъ дальнѣйшихъ выражений Наполеона замѣчательны слѣдующія: «Россія должна или побѣдить, или потерпѣть полное пораженіе, но по всѣмъ даннымъ можно заключить, что величие и могущество Россіи достигнутъ высшаго развитія».— «Россія современемъ нападетъ на Индію, ибо существуютъ непреодолимыя условія, которыя облегчаютъ успѣхъ Россіи въ тѣхъ странахъ». Когда докторъ замѣтилъ на это, что разстояніе до Индіи велико и что для такого необычайного предприятия Россія не имѣть достаточно денегъ, то Наполеонъ возразилъ: «Разстояніе не мо-

осуществление этого плана наталкивается на чрезвычайные препятствия прежде всего со стороны самихъ славянъ и другихъ малыхъ народовъ, которые, съ началомъ новой государственной жизни, высказываютъ довольно определенное стремление къ сохранению своей независимости, и только тогда захотятъ вступить подъ верховенство Россіи, когда замѣтятъ всѣ выгоды и преимущества, какія могутъ представиться отъ объединенія подъ властью Россіи. Съ другой стороны важныя препятствія исходятъ отъ западно-европейскихъ державъ и главнымъ об-

жетъ тутъ приниматься въ разсчетъ, ибо всѣ военные материалы могутъ перевозиться на верблюдахъ, а казаки вездѣ найдутъ подножный кормъ для своихъ коней. Что касается денегъ для военныхъ расходовъ, то Россія найдеть ихъ, какъ скоро вступить въ Индію, и богатства нѣкоторыхъ завоеванныхъ индійскихъ городовъ удовлетворять вполнѣ русскихъ». — «Какъ бы тамъ ни было, продолжалъ съ предчувствіемъ Наполеонъ, наступить день, когда Россія овладеТЬ всѣмъ Востокомъ и Грецію. Чтобы держать въ подчиненіи весь Востокъ, Россія должна будетъ обзавестись значительнымъ флотомъ, и при такихъ обстоятельствахъ неминуемо столкнется съ Англіею, для которой въ такомъ случаѣ Индія будетъ потеряна». При дальнѣйшемъ разговорѣ бывшій французскій императоръ замѣтилъ, что онъ самъ, по вышеупомянутымъ соображеніямъ, хотѣлъ сопротивляться увеличенію могущества Россіи и, чтобы отклонить опасность отъ Европы, думалъ восстановить Польское королевство, по чѣмъ въ этихъ его стремленіяхъ ему противостояла англійская дипломатія, которая значительно способствовала успѣху могущества Россіи, будучи увѣрена, что служить величію и силѣ своего отечества». Теперь прошло уже 70 лѣтъ, и всякий можетъ судить, въ какой мѣрѣ предчувствія и предположенія великаго корсиканца нашли оправданіе въ дѣйствительности.

разомъ со стороны Австріи, Італії и Англії (политика Франції не отличается устойчивостью: въ разныя времена она то дѣйствовала заодно и совмѣстно съ Россіей, то противоводѣйствовала ей на всѣхъ пунктахъ). Вліяніе Австріи на рѣшеніе восточного вопроса не высказывалось въ прежнія времена определеннымъ образомъ, ибо было вначалѣ слабо и непостоянно. Прежде всего австрійцы стали за политический принципъ императрицы Марії-Терезіи, которая высказала необходимость прочнаго и продолжительнаго союза двухъ соѣдніхъ государствъ, Австріи и Турціи, съ цѣлью предохранить самихъ себя и всю Европу отъ преобладающаго вліянія славянства. Ея знаменитый сынъ императоръ Іосифъ II, тщательно обдумавъ планъ изгнанія турокъ изъ Европы и раздѣла ихъ земельныхъ владѣній совмѣстно съ императрицею Екатериной Великою, пришелъ къ заключенію, что турецкое господство на Босфорѣ слѣдуетъ предпочесть христіанскому, ибо первое представляеть гораздо болѣе выгодъ для Австріи. Съ начала нынѣшняго столѣтія до послѣдней русско-турецкой войны Австрія относилась къ христіанскому населенію Турціи совершенно безразлично, ибо имѣла съ Турцией мало дѣлъ и не преслѣдовала особыхъ цѣлей. Но послѣ войны и берлинского конгресса 1878 года, на которомъ требованія балканскихъ народовъ обстоятельно разсмотрѣны и ихъ права и стремленія къ независимости болѣе не могли быть ограничены, Австрія, вступивъ

въ обладаніе Боснією, какъ съсѣдня держава, принуждена была, въ силу многихъ причинъ и обстоятельствъ, принять во вниманіе и заняться дѣлами балканскихъ народовъ. Съ одной стороны, открытие новыхъ путей сообщенія и торгово-политическія сношенія Австріи съ Константинополемъ и балканскими народами, съ другой—признаніе, по австрійскому государственному принципу, автономіи подчиненныхъ ей народовъ—сблизили Австрію съ балканскими народами во всѣхъ общественныхъ и политическихъ событіяхъ. Было даже время (нѣсколько лѣтъ тому назадъ), когда говорили, что Константинополь будетъ австрійскимъ городомъ; но это предположеніе такъ же быстро и безслѣдно разсѣялось, какъ неожиданно появилось на свѣтѣ. Не подлежитъ, впрочемъ, никакому сомнѣнію, что, проектируемыя въ настоящее время желѣзныя дороги соединять еще ближе Австрію съ балканскими народами, и помогутъ ей пріобрѣсти чрезвычайное значеніе на полуостровѣ, если только не представится препятствія со стороны Россіи, ибо, кромѣ Россіи, ни одно изъ европейскихъ государствъ не захочетъ оказать Австріи сопротивленія на Балканахъ. Въ предѣлахъ своего государства Австрія заключаетъ до семнадцати миллионовъ славянъ (т. е. 45 процентовъ всего населенія Габсбургской монархіи), которые годъ отъ году все болѣе и болѣе политически созрѣваютъ, придавая постепенно Австрійской монархіи славянскій колоритъ, и относятся очень сочувственно къ своимъ балканскимъ сплѣ-

менникамъ. Изъ сходства стремлений Россіи и Австріи возникло между этими двумя государствами соперничество, по которому каждое изъ государствъ старается придать своему вліянію среди балканскихъ народовъ преобладающей характеръ и даже, если позволять обстоятельства, достигнуть полнаго господства надъ ними. Дальнѣйшее направление и теченіе вопроса о балканскихъ штатахъ будетъ зависѣть во всѣхъ отношеніяхъ отъ благоразумія и искусства государственныхъ людей двухъ заинтересованныхъ державъ. На почвѣ балканскихъ стремлений между Россіей и Австріей одинаково легко могутъ возникнуть какъ недоразумѣнія и распри, такъ и примирительныя отношенія; въ послѣднемъ случаѣ оба государства раздѣлять между собою власть надъ балканскими провинціями. На ряду съ Австріею являются Италия и Англія, которые наиболѣе озабочены предстоящею развязкою политическихъсложненій на Балканскомъ полуостровѣ и во всѣхъ другихъ владѣніяхъ Турціи. Въ качествѣ морской державы, Италия стремится удержать свое выгодное положеніе на Средиземномъ морѣ и предохранить и защитить свои государственные интересы—какъ нѣкогда Генуя и Венеція—на другихъ моряхъ; понятно поэтому, что политическое преобразованіе балканскихъ народовъ не можетъ не занимать ея въ значительной степени. Будетъ ли господствовать на Балканахъ одна держава или нѣсколько маленькихъ государствъ, это для Италіи вопросъ,—далеко не

одинаковаго значенія: въ первомъ случаѣ, т. е., если одна великая держава достигнетъ господства на Балканахъ, она же пріобрѣтеть и преобладающее значение на Средиземномъ морѣ, отодвинувъ Италію на задній планъ и повліявъ, такимъ образомъ, на ея ослабленіе; напротивъ, балканскіе штаты не будуть служить для Италіи препятствіемъ на пути ея дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія на Средиземномъ морѣ. Въ этомъ-то и заключаются главныя побудительныя причины, по которымъ Италія не можетъ оставаться при томъ или другомъ преобразованіи балканскихъ народовъ.

Роль Англіи въ отношеніи къ Востоку, вообще, довольно знаменательна. Какъ и Россія, Англія имѣетъ весьма опредѣленные виды и планы касательно нѣкоторыхъ земельныхъ владѣній Востока, принадлежащихъ теперь Турціи, но съ совершенно другой точки зрѣнія. Въ вѣковой борьбѣ за свое благосостояніе и процвѣтаніе Британская имперія старается удержать на Востокѣ свое традиціонное положеніе великой державы и стремится неотступно воспрепятствовать расширению и развитію русской власти на путяхъ къ Средиземному морю. Сопротивление Англіи стремленіямъ Россіи (проявлялось ли оно единично, или въ совокупности съ другими державами) было всегда упорно и сильно; оно же было причиной, что русскіе въ 1829 году, подъ предводительствомъ Дубича, и во время послѣдней русско-турецкой войны, несмотря на славные военные

подвиги и блестящія побѣды, не могли вступить въ столицу Турціи, какъ подобало побѣдителямъ. Въ обоихъ случаяхъ, приблизившись къ Константинополю съ значительными силами, русскіе отступили обратно и оставили Константинополь, какъ драгоценный камень, нетронутымъ.

Со второй половины XVI столѣтія, когда Англія, въ царствованіе королевы Елизаветы, начала торго- выя сношенія съ Константинополемъ и Востокомъ, и со времени новыхъ пріобрѣтеній въ Индіи, упрочившихъ и расширившихъ могущество Англіи на всѣхъ моряхъ, послѣдняя, въ силу своихъ азіатско-индійскихъ интересовъ, вступила въ такія тѣсныя связи съ Востокомъ, что развитіе самыхъ важныхъ я задачъ и плановъ раскрывается на водахъ ближняго и дальняго Востока, причемъ Константинополь и весь турецкій Востокъ, въ качествѣ стоянки на пути въ Индію, являются наилучшими пунктами для осуществленія англійскихъ торговыхъ и политическихъ видовъ и цѣлей. Кромѣ того, около 50 миллионовъ подвластныхъ Англіи индійскихъ магометанъ обязываютъ ее знать ихъ религіознаго главу, который пользуется громаднымъ вліяніемъ въ Константинополѣ, и болѣе или менѣе поддерживать его интересы. Во охраненіи, по возможности, Турціи и сопротивленіи всѣми мѣрами Россіи утвердиться на турецкихъ владѣніяхъ, заключается вѣковая, традиціонная политика Англіи. Самые выдающіеся госуда- рственные люди Англіи всегда съ особой настой-

чивостью держались такой политики, и въ настоящее время она побуждаетъ англичанъ къ самому энергическому отпору всякой разъ, какъ только Россія сдѣлаетъ попытку расширить свою власть на югъ. Такой образъ дѣйствій даъ графу Биконс菲尔ду поводъ назвать Англію «азіатскою великою державою». Чтобы ближе охарактеризовать современную политику Англіи, обыкновенно представляютъ слѣдующую картину: британскій левъ лежитъ или спитъ покойно въ теченіе многихъ годовъ, постепенно толстѣя и жирѣя и не шевелясь даже въ томъ случаѣ, если цѣлый свѣтъ будетъ мѣшать его покою; но колѣ скоро кто дотронется до того чувствительнаго мѣста его существованія, которое обращено къ Востоку и Азіи, онъ тотчасъ же пробуждается, ворочается кругомъ глазами, встряхиваетъ гриву и устремляется на виновника его тревоги.

Теперь невольно является вопросъ, много разъ уже поднимавшійся и подвергавшійся разнообразнымъ толкованіямъ, а именно: въ чёмъ собственно заключается сила Англіи, которая, не обладая, по сравненію съ своими размѣрами, удовлетворительнымъ количествомъ вооруженныхъ силъ, несмотря на это, чрезвычайно успѣшно ведетъ всѣ свои дѣла какъ внутри, такъ и внѣ государства, и, въ случаѣ опасности, твердо и смѣло ступаетъ противъ всякихъ постороннихъ поползнovenій и покушеній. Не можетъ подлежать сомнѣнію тотъ безспорный фактъ, что никакая держава не составляетъ такъ

легко коалицій противъ своихъ политическихъ враговъ, какъ Англія. Во всѣхъ большихъ и сложныхъ войнахъ Англія всегда имѣла на своей сторонѣ союзниковъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда Англія терпѣла стѣсненія отъ Наполеона, то, не смотря на потерю Сѣверной Америки, она все-таки была въ состояніи выказать чрезвычайное сопротивленіе корсиканскому герою на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, куда онъ направлялъ свои военные дѣйствія: на Востокѣ, въ Испаціи и Германіи. Тотъ смертельный ударъ, который Наполеонъ готовилъ Англіи, былъ совершенно ослабленъ, и, въ концѣ концовъ, самъ знаменитый герой долженъ былъ признать себя бессильнымъ предъ нею. Всякій разъ, какъ иностранная держава затронетъ интересы Англіи, послѣдняя сопротивляется съ необычайною стойкостью и лишь въ томъ случаѣ, когда предвидитъ невозможность борьбы, пускается на компромиссы съ цѣлью выждать болѣе благопріятный моментъ для возобновленія враждебныхъ дѣйствій. Нужно согласиться, что въ такой политикѣ заключается чрезвычайная сила Англіи, помогающая ей изъ многихъ политическихъ осложненій и затрудненій выходить почти всегда невредимою. На основаніи многихъ данныхъ, Англія стремится противодѣйствовать движению Россіи къ Константинополю и Калькуттѣ, чтобы сохранить существующій порядокъ и могущество англійской власти на Востокѣ. Въ такихъ отношеніяхъ другъ къ другу

кроется опасность войны для обѣихъ державъ, которыхъ военные силы на сушѣ и на морѣ не одинаковы. По политическимъ соображеніямъ англійскихъ государственныхъ людей, Турція и особенно Константинополь будетъ представлять главную арену для борьбы, долженствующей разрешить между Россіей и Англіей вопросъ о господствѣ надъ Азіею, гдѣ границы ихъ владѣній постепенно и безостановочно сближаются. Но слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то важное обстоятельство, что Англія—страна двухъ противоположныхъ политическихъ направлений. Съ одной стороны, надъ массою населения господствуютъ старыя преданія, народные предразсудки, предубѣжденія церкви и своеобразный особый духъ англичанъ: все эти традиціи еще крѣпко держатся и противодѣйствуютъ современному прогрессу, неблагопріятно вліая на дальнѣйшее развитіе и благоденствіе народа. Съ другой стороны, вслѣдствіе близкаго знакомства англичанъ съ условіями жизни и развитія континентальныхъ народовъ, постепенно складываются въ странѣ новые воззрѣнія, ведущія къ новымъ требованіямъ и народнымъ задачамъ. Такъ какъ разрѣшеніе этихъ задачъ въ странѣ тысячелѣтнихъ преданій и предубѣжденій причиняетъ множество затрудненій—особенно во внутреннихъ дѣлахъ государства—то вслѣдствіе этого образуются партии, между которыми возникаетъ не примиримая борьба, вредно дѣйствующая и на виѣшнюю политику Англіи. Государственные люди и пред-

ставители либерального направлениі, по сравненію съ людьми противоположныхъ воззрѣній, не многочисленны, но они усиленно стремятся проложить новые пути къ развитію и благосостоянію народа и дать англійскимъ интересамъ—какъ внутри, такъ и вънѣ государства—новое направление. Относительно вѣшней политики люди этой послѣдней категоріи утверждаютъ, что власть Англіи такъ сильна и прочна, что Константинополь и нѣкоторыя земельные владѣнія Турціи могутъ безъ всякаго вреда для Англіи достаться на долю Россіи. Эти же люди находятъ, что самая Индія не представляетъ болѣе тѣхъ преимуществъ и выгодъ для Англіи, какъ въ прежнія времена. Есть еще въ Англіи своего рода государственные люди и политики, которые полагаютъ, что расширение Россіей власти на югъ и въ направлениі къ Средиземному морю не можетъ воспрепятствовать англійскому вліянію и торговлѣ на этомъ морѣ и Суэзкомъ каналѣ, тѣмъ болѣе, что съ открытиемъ Панамскаго канала представится наилучшій путь въ Индію; что, наконецъ, торговыя сношенія Англіи съ Индіею могутъ проходить чрезъ Канаду. Изъ сказаннаго видно, что Англія не можетъ ослабѣть или отчаяваться въ томъ случаѣ, если бассейнъ Средиземнаго моря не будетъ находиться въ главномъ ея распоряженіи. Но Англія владѣеть въ настоящее время на Средиземномъ морѣ нѣкоторыми важными укрѣпленіями и не допустить ихъ захвата другою державою ни въ какомъ случаѣ,

по крайней мѣрѣ, если бы такой захватъ предста-
вился возможнымъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Да и
вообще трудно предположить, чтобы Англія отрѣ-
шилась безъ спора отъ своей традиціонной поли-
тики, и въ этомъ случаѣ весьма вѣроятно, что
Константинополь и Турція (вѣрнѣе сказать, Малая
Азія) послужать мѣстомъ открытой и рѣшительной
борьбы. *Slade*, долго жившій въ Турціи и оставив-
шій по себѣ двухтомное сочиненіе, пишетъ: «I con-
sider Turkey as only destined to be a field of batt-
le between the rival empires, between the Russia
and England». Но если Англія будетъ предвидѣть,
что на пути осуществленія ея традиціонныхъ пла-
ниовъ встрѣтятся сильныя затрудненія и препят-
ствія, тогда она будетъ вынуждена пуститься на
компромиссы и соглашенія и, признавъ совершив-
шіяся события (*fait accompli*), какъ это случилось,
напримѣръ, послѣ войны за независимость Сѣверной
Америки, постарается вознаградить и загладить свои
потери новыми приобрѣтеніями. Въ этомъ заклю-
чается политическій принципъ Англіи и въ этомъ
кроется историческое развитіе и прогрессъ ея на-
рода. Въ силу этого же политического принципа,
Англія будетъ стараться всѣми мѣрами охранять
господство турокъ на Босфорѣ; но, если убѣдится
въ безполезности своихъ усилий, тогда, въ свою
очередь, постарается оказать возможное содѣйствіе
развитію и упроченію христіанскихъ народовъ Тур-
ціи на мѣстѣ турецкаго владычества, чтобы такимъ

иутемъ помышшать распространенію власти Россіи на нынѣшня турецкія владѣнія. При исполненіи своихъ цѣлей Англія легко найдеть себѣ въ Европѣ союзниковъ, напр., въ Австріи, Италіи и т. д., интересы которыхъ требуютъ той же политики по отношенію къ Россіи. Въ добавленіе къ сказанному можно замѣтить слѣдующее: если Россія станетъ настойчиво приводить въ осуществленіе свои планы касательно панславизма и Константиноополя, а Австро-Венгрія, въ свою очередь, не захочетъ допустить, чтобы влияніе и значеніе панславизма росло и ограничивало собственную ея политическую самостоятельность, и если ко всему этому Англія будетъ крѣпко держаться нынѣшней своей политики въ восточномъ вопросѣ, тогда неминуема самая ожесточенная война, которая, постепенно разгораясь, будетъ имѣть своимъ театромъ не только Турцію, но и многія земли въ Европѣ и Азіи. Мнѣнія и взгляды касательно Турціи трехъ европейскихъ государствъ, которыхъ наиболѣе заинтересованы судбою турецкихъ владѣній—Австріи, Россіи и Англіи—значительно расходятся. Въ Австро-Венгріи держатся преимущественно того вззрѣнія, что за малыми народами Балканскаго полуострова слѣдуетъ обеспечить ихъ права на самостоятельность и независимость, ибо такимъ образомъ австро-венгерскіе государственные интересы лучше всего охраняются отъ стороннихъ притязаній. Въ Россіи относительно Балканскаго полуострова и Константиноополя мнѣнія не постоянны и не одинаковы:

если одни отдаютъ предпочтеніе невмѣшательству Россіи въ дѣла балканскихъ народовъ, то другіе, напротивъ, находятъ вмѣшательство необходимымъ. Покойный князь Горчаковъ, въ теченіе многихъ лѣтъ состоявшій русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, послѣ чего былъ назначенъ министромъ и канцлеромъ Русской имперіи, говорилъ, что для Россіи наилучшая дорога въ Константинополь проходитъ чрезъ Вѣну. Напротивъ, генералъ Скобелевъ, который былъ не только храбрымъ воиномъ, но и писателемъ съ значительнымъ дарованіемъ и образованіемъ, выражаетъ въ своихъ запискахъ мысль, что самый вѣрный путь къ Константинополю—это Ость-Індія. Что касается воззрѣній Англіи, то мы уже замѣтили, что въ сохраненіи самой Турціи или въ усиленіи на ея мѣстѣ малыхъ самостоятельныхъ государствъ она видитъ наиболѣйший способъ защиты своихъ азіатскихъ владѣній отъ нападковъ и стремленій Россіи. Во всякомъ случаѣ окончательное решеніе восточнаго вопроса представляеть для трехъ наиболѣе заинтересованныхъ въ немъ государствъ столь важную задачу и намекаетъ на такія многознаменательныя послѣдствія, что едва ли всемирная исторія въ состояніи привести что-либо подобное изъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ политическихъ осложненій. Если предположить, что владѣнія Турціи будутъ раздѣлены между двумя соседними великими державами—Россіей и Австро-Венгріей, то въ будущемъ отъ этого нельзя ожидать благопріятныхъ резуль-

татовъ: раздѣлѣніе власти неизбѣжно будетъ служить поводомъ ко взаимнымъ раздорамъ, которые еще легче и скорѣе вызовутъ кровопролитную войну (какъ это было въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ). Слѣдствіемъ такого, чисто-условнаго распредѣленія земель явится то, что подданные одной великой державы будутъ легко переходить во владѣнія другой смежной имперіи, станутъ возбуждать ея населеніе противъ новой власти и вызовутъ беспрестанныя беспокойства и тревоги. Такимъ образомъ, раздѣль турецкихъ владѣній не можетъ быть выгоднымъ ни для администрації обѣихъ державъ, ни для подданныхъ, ибо послужитъ источникомъ всеобщей сумятицы и беспорядковъ.

Мы переходимъ теперь къ весьма важному вопросу, который возникалъ въ разныя времена и всегда занималъ государственныхъ людей и монарховъ Европы; именно: *какова будетъ судьба самаго Константинополя?* Трудность, даже невозможность удовлетворительного рѣшенія такого сложнаго вопроса были причиною, что разныя политическія осложненія на Балканскомъ полуостровѣ, особенно тѣ, которыя находятся въ связи съ Константинополемъ, оставались всегда невыясненными, и всѣ политическія попытки къ ихъ разрѣшенію, какъ прежде, такъ и теперь, останавливаются на половинѣ или даже въ началѣ своего пути. Нельзя, впрочемъ, не при-

знавать, что политическое состояніе балканскихъ народовъ оказываетъ большее или меньшее вліяніе на роль и судьбу Константинополя, и что въ будущемъ слѣдуетъ ожидать такого же взаимодѣйствія. Чѣмъ опредѣленіе и рѣшительное совершается политическое преобразованіе балканскихъ народовъ, тѣмъ яснѣе и точнѣе обозначается положеніе Константинополя въ перспективѣ при сохраненіи тѣхъ характерныхъ особенностей, которыя тѣсно связаны съ условіями его существованія.

Главная особенность этого города, которая, со временемъ старины по сіе время, придаетъ метрополіи Востока чрезвычайное разнообразіе и пестроту, обусловливается международнымъ характеромъ и направленіемъ разнорѣчиваго миллионнаго населенія. Константинополь своимъ замѣчательнымъ положеніемъ, не имѣющимъ ничего подобнаго въ мірѣ, и находясь на пути сношеній многихъ народовъ, получилъ съ самаго дня основанія международный характеръ и служилъ уже въ старыя времена сборнымъ пунктомъ для представителей всѣхъ народовъ Старого свѣта. Такъ, еще въ царствованіе Константина Великаго онъ былъ не только для римлянъ и грековъ, но и для всѣхъ народовъ Европы, Азіи и Африки сборнымъ мѣстомъ для взаимныхъ сношеній, торговли, ученія и удовольствій. Еще большее значеніе пріобрѣлъ Константинополь при послѣдовавшихъ римскихъ и греческихъ императорахъ—Юстиніанѣ, Василіи и Комненахъ. Послѣ завоеванія Кон-

стантинополя турками, не смотря на турецкий деспотизмъ, на чрезвычайные ограничения и стеснения, которымъ путешественники и чужестранцы подвергались со стороны турокъ, Константинополь, благодаря своимъ торговымъ связямъ, оставался всегда убежищемъ для иностранцевъ. Вообще говоря, въ теченіе временъ разныя народности, стекаясь со всѣхъ странъ свѣта и смѣшиваясь между собою, придавали Константинополю чрезвычайно пестрый колоритъ и уничтожали преобладающій духъ и значеніе господствовавшихъ здѣсь народовъ: римскаго, греческаго и турецкаго. Никакой еще городъ Европы или другой части свѣта не имѣлъ такой притягательной силы на всѣ народы, какъ Константинополь. Не смотря на дурныя условія, наступившія въ послѣднее время для торговли и сельско-хозяйственной промышленности, въ Константинополь числится приблизительно 100,000 иностранцевъ, которые пользуются преобладающимъ значеніемъ и составляютъ руководящую среду для всего мѣстнаго населенія. Пришлые элементы Константинополя вліяли и вліяютъ по сіе время усыпляющимъ и парализующимъ образомъ на авторитетъ турецкой власти, препятствуютъ всякому увеличенію и распространенію турецкаго могущества и постепенно, но неуклонно, подкальзываютъ и ослабляютъ самое существованіе мусульманъ, какъ господствующей націи на Босфорѣ. Международный характеръ Константинополя воспрепятствовалъ развитію въ немъ могущества грековъ

и римлянъ; въ настоящее время господство турокъ падаетъ вслѣдствіе возрастающаго значенія туземныхъ и иностранныхъ христіанъ, которые все болѣе и болѣе ограничиваютъ сферу турецкаго вліянія. Выше мы указали двѣ возможныя перспективы для балканскихъ народовъ: конфедерацию дунайскихъ и балканскихъ штатовъ или объединеніе подъ властью Россіи; каждый изъ исходовъ зависитъ отъ того, что возьметъ верхъ: вліяніе западныхъ державъ или Россія. Какъ уже было сказано, турки находятся на Босфорѣ въ периодѣ упадка. При безпрестанныхъ своихъ сообщеніяхъ съ туземными христіанами и европейцами они совершенно видоизмѣнились и приняли во всѣхъ отношеніяхъ европейскій колоритъ. Турецкая власть, хотя и держится еще на Босфорѣ, но уже не живетъ самостоятельною жизнью и не выказываетъ задатковъ къ дальнѣйшему развитію и процвѣташю; по своей слабости турецкое правительство очень часто не въ состояніи даже защитить и охранить права и имущество своихъ гражданъ. Съ другой стороны, вліяніе и силы европейскихъ инородцевъ до того велики и значительны, что они могутъ, въ случаѣ нужды, не только парализовать двадцаттысячный турецкій гарнизонъ въ Константинополѣ, но даже пошатнуть самій тронъ султана. Если этого до сихъ поръ не случилось, то только по отсутствію единодушія и общности интересовъ между представителями европейскихъ въ Турціи государствъ. Во

всякомъ случаѣ, одна возможность такого факта служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ безъ силна турецкая власть въ Константинополѣ. Самъ султанъ вполнѣ сознаетъ всю шаткость своего положенія, чѣмъ и объясняется его податливость и уступчивость при требованіяхъ той или другой державы. Слѣдуетъ при томъ замѣтить, что власть султана значительно ослабляется существованіемъ въ Константионополѣ разныхъ общинъ; изъ нихъ, особенно христіанскія, имѣютъ необыкновенно прочную и, по обстоятельствамъ времени, довольно явно выраженную организацію, которая помогаетъ имъ, подъ покровительствомъ своего церковнаго главы, занимать стойкое положеніе и предохранять отъ всякихъ случайностей свою самостоятельность. Всякий разъ, когда турецкое правительство обращалось къ христіанскимъ общинамъ съ какимъ-либо—часто безъмысленнымъ—требованіемъ, имѣвшимъ цѣлью ограничить или уничтожить права и преимущества турецкихъ христіанъ, оно всегда встрѣчало самый сильный отпоръ и терпѣло неудачу. Хотя турецкое правительство иногда и могло пренебречь рѣшеніями и требованіями христіанскихъ народныхъ собраній и не допускать ихъ выполненія, но, по истеченіи нѣкотораго времени, все-таки должно было возобновлять съ членами этихъ собраній хорошія отношенія, ибо турецкое правительство и общины находятся въ извѣстной зависимости другъ отъ друга, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ турецкія власти должны

даже подчиняться—прямо или косвенно—авторитету общинъ.

Воть почему благомыслящія правительственныея лица Турціи всегда старались жить съ христіанами въ дружбѣ и согласіи. Изъ бывшихъ уже до сихъ поръ столкновеній съ христіанскимъ населеніемъ турецкому правительству хорошо известно, что патріархи, которые стоять во главѣ народныхъ общинъ, могутъ, въ случаѣ надобности, обратиться за помощью и содѣйствіемъ къ одной изъ великихъ державъ; къ тому же и въ самой метрополіи Востока, гдѣ отдѣльныя народныя стремленія легко находятъ себѣ поддержку, можетъ быстро образоваться союзъ, причемъ туземные христіане въ сообществѣ съ европейцами въ состояніи оказать туркамъ весьма значительное сопротивлѣніе и, во всякомъ случаѣ, причинить немало беспокойствъ. Такимъ образомъ, на ряду съ анархіей, господствующей въ современныхъ правительственныхъ сферахъ Турціи, все христіанское населеніе Константинополя пользуется самостоятельностью и свободой, которая, кроме рѣдкихъ столкновеній, неотличавшихся до сихъ поръ серьезными послѣдствіями, ничѣмъ не нарушаются. При шаткости турецкаго господства въ Константинополѣ, христіане будутъ все болѣе и болѣе увеличивать свои права и расширять кругъ своей самостоятельной дѣятельности и, такимъ образомъ, подготовлять себѣ почву для окончательной свободы и прогресса. Иностранцы же, живущіе въ Константи-

нополѣ, находясь подъ покровительствомъ своихъ консульствъ^{*)} и подъ охраною международныхъ за-

^{*)} Между всѣми представителями европейскихъ державъ въ Константинополѣ, итальянское представительство существуетъ менѣе продолжительное время, чѣмъ всѣ другія. Въ 1882 году итальянскіе рыбаки, занимаясь ловлею рыбы въ Архипелагѣ, внезапно подверглись нападенію турокъ-островитянъ. Дѣло дошло до итальянскаго представителя въ Константинополѣ, графа Корти, который по поводу учиненнаго насилия вступилъ въ переговоры съ министрами Порты и на свои требованія добился отъ нихъ полнаго удовлетворенія какъ материальнаго, такъ и нравственнаго. Еще въ большей степени представители другихъ западно-европейскихъ государствъ охраняютъ интересы своихъ соплеменниковъ и согражданъ въ Константинополѣ.

Но картина значительно измѣняется, если обратить вниманіе на русское представительство и его отношеніе къ малочисленнымъ русскимъ колонистамъ. Въ 1880 г. въ Константинополѣ былъ убитъ двумя пушками среди бѣла-дня полковникъ генерального штаба Кумерау. Это дѣло произвело тогда много шума, но кончилось все-таки ничѣмъ. Убийца Вели-Магометъ, хотя и былъ схваченъ, но вскорѣ былъ освобожденъ и жилъ весьма покойно и безмятежно въ своемъ скутарійскомъ домѣ, пока естественная смерть не положила предѣла его жизни.

Въ 1884 году русскій пароходъ «Азовъ», шедшій, вопреки предписанію, слишкомъ быстро по Босфору, ударилъ носовою частью въ бортъ французскаго парохода «Province», прибывшаго предъ тѣмъ изъ Марселя и нагруженаго товаромъ, и потопилъ судно на глазахъ массы публики. Компания Messagerie maritime, которой принадлежалъ Province, предъявила искъ на сумму, равную стоимости погибшаго съ товаромъ парохода. Судебное дѣло разбиралось въ русскомъ генеральномъ консульствѣ, и хотя русскіе чиновники предъ открытиемъ засѣданія окончательно осмѣяли французскаго адвоката, которому была поручена защита дѣла, и считали французскій искъ напередъ проиграннымъ, однако защита велась великолѣпно и, въ концѣ концовъ, требованія французской компаніи были удовлетворены во всѣхъ от-

коновъ, могутъ быть вполнѣ спокойны за свою не-
прикосновенность.

ношенияхъ. Потонувшій пароходъ по юридическому праву при-
надлежалъ съ тѣхъ порь русскимъ, но, такъ какъ онъ былъ ими
оставленъ безъ должнаго вниманія, то тѣ же французы вынули
изъ воды судно и, послѣ необходимой починки, отправили снова
въ Марсель. Русское консульство и здѣсь не нашло нужнымъ
заявить протестъ.

Въ 1884 году отъ турецкаго правительства было получено
50,000 турецкихъ лиръ (по нынѣшнему курсу турецкая лира =
10 р. 35 к.), что составляетъ половину всей суммы для возмѣ-
щенія убытоковъ (*indemnité de guerre*) русскихъ подданныхъ, по-
терівшихъ во время войны. Вся эта сумма была распределена,
за убытки, между чиновниками, бывшими и настоящими, по
желанию генерального консула, а тѣ, которые имѣли громадныя
потери во время войны, по сіе время не получили ни копѣекъ.
Между тѣмъ, какъ турецкое правительство уплачиваетъ пра-
вильно за убытки, понесенные иностранными комерсантами.
Таково уже вліяніе иностранныхъ пословъ и консуловъ! О по-
лученіи военной контрибуціи теперь нѣтъ болѣе и рѣчи, а между
тѣмъ турецкое правительство на суммы, долженныя Россіи, зака-
зывало для своихъ цѣлей крупновскія пушки. Но въ русскомъ
посольствѣ не могутъ знать, для чего Турціи крупновскія
пушки, и противъ кого она намѣревается и готовится напра-
вить ихъ. Въ томъ же русскомъ представительствѣ въ Кон-
стантинополѣ иногда говорятъ о патріотизмѣ и государствен-
ныхъ интересахъ, а на дѣлѣ всякий чиновникъ съ нетерпѣ-
ніемъ ждетъ лишь наступленія первого числа мѣсяца...

Въ Филиппополѣ, въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ про-
винциальнаго самоуправлениія, былъ въ тамошнемъ трибуналѣ
военнымъ прокуроромъ одинъ почтенный и свѣдущій русскій
полковникъ, посланный на пятнадцатіе изъ Россіи; онъ пользо-
вался всеобщимъ уваженіемъ, какъ русскихъ, такъ и болгаръ,
и не было недовольныхъ его дѣятельностью. Тѣмъ не менѣе
этотъ полковникъ, несмотря на свое видное положеніе, полу-
чалъ жалованья менѣе, чѣмъ любой малограмотный капитанъ

Настоящее внутреннее состояніе Турецкой имперіи можетъ со временемъ, при большемъ упадкѣ и уничтоженіи турецкой власти, послужить основаніемъ для образованія на развалинахъ Турціи новой свободной государственной организаціи. Константинополь—съ надлежащимъ земельнымъ участкомъ по берегу моря—приметь тогда видъ свободнаго государства съ международнымъ характеромъ и управлениемъ и привлечетъ на свою территорію жителей со всѣхъ странъ міра. Конечно, это можетъ случиться лишь въ томъ случаѣ, если мирный ходъ событий не будетъ нарушенъ на Балканскомъ полуостровѣ и во владѣніяхъ, принадлежащихъ теперь Турціи. При решеніи вопроса о балканскихъ народахъ однимъ изъ тѣхъ двухъ способовъ, о которыхъ мы выше упомянули, и именно при учрежденіи на Балканахъ штатовъ, Константинополь, сохранивъ государственную международную организацію, можетъ стать главнымъ пунктомъ, куда князья и регенты маленькихъ государствъ будутъ съѣзжаться съ цѣлью

или поручикъ болгарской дружины. Русскіе представители въ Филиппополѣ и Константинополѣ мало заботились и обращали вниманія на то, что этимъ обстоятельствомъ наносилась прямая и явная обида русскому полковнику, который стойко перенесъ свое незавидное положеніе...

И потому неудивительно, если Леонтьевъ, который десять лѣтъ прожилъ на Востокѣ и составилъ интересное и поучительное описание его, говорить: «Примѣровъ русскаго незнанія, русскихъ заблужденій, русской фразы—нѣтъ конца!..» (Востокъ, Россія и Славянство. 1885 г. Т. 1, стр. 274).

взаимного обмена мыслей и обсуждения общихъ дѣлъ и вопросовъ; такимъ сборнымъ пунктомъ былъ Франкфуртъ на Майнѣ для князей и представителей германскаго союза до 1866 года. Но если дѣло приметъ иной оборотъ, и балканскіе славяне подпадутъ подъ исключительное вліяніе Россіи, тогда легко можетъ статься, что Константинополь перейдетъ во власть русскихъ; будетъ ли онъ сдѣланъ въ такомъ случаѣ столицею обширнаго государства (какъ во времена римлянъ, грековъ и турокъ), или русскіе сравняютъ Константинополь съ прочими провинциальными городами и низведутъ его на степень простаго сторожеваго поста на Босфорѣ,—этотъ вопросъ трудно решить. Да и помимо тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы упомянули, Константинополь легко можетъ быть присоединенъ къ русскимъ владѣніямъ, если только Россія сразу примѣнить къ дѣлу значительныя военные силы, ибо при своихъ нынѣшнихъ средствахъ обороны Босфоръ и Константинополь не могутъ долго противостоять русскому натиску.

Но здѣсь является другой вопросъ первостепенной важности, имѣющій: могутъ ли русскіе послѣ завоеванія удержать за собой городъ и проливъ, не пользуясь въ то же время сильнымъ моральнымъ вліяніемъ у балканскихъ народовъ, по крайней мѣрѣ среди славянъ или даже однихъ болгаръ?

Борьба изъ-за Константинополя есть вѣковая борьба между Россіею и западно-европейскими го-

сударствами, изъ которыхъ Англія и Австро-Венгрія наиболѣе замѣшаны въ спорѣ. Какъ сильная военная держава, Россія, при своей внутренней устойчивости, имѣеть возможность свободно заниматься задачею такого рода, между тѣмъ какъ Австро-Венгрія и Англія, всегда сильно озабоченные своими внутренними государственными дѣлами, только въ крайнемъ случаѣ могутъ нарушить своюдержанную политику, чтобы воспрепятствовать видамъ Россіи на Балканскій полуостровъ и Константинополь. Въ своихъ стремленіяхъ Россія пользуется общностью вѣрованій и племеннымъ родствомъ съ славянами; эти связи послужили ей основаніемъ и принципомъ всѣхъ войнъ, предпринятыхъ до сихъ поръ для освобожденія балканскихъ народовъ. Но, такъ какъ между принципіальнымъ замысломъ и выполнениемъ его существуетъ большая разница, и часто то, что въ теоріи кажется вполнѣ возможнымъ и осуществимымъ, на дѣлѣ встречаетъ неожиданныя и непреодолимыя препятствія, то и русскіе не могутъ до сихъ поръ достигнуть своей цѣли. Это послужило разъ покойному князю Горчакову поводомъ въ шутку, но остроумно назвать за воеваніе Константинополя русскими «политическою міѳологіею» (*la mythologie politique*). Какъ бы то ни было, но послѣдуетъ то, чому случиться надлежитъ, и рѣшеніе участіи ближайшаго къ намъ европейскаго Востока все болѣе и болѣе близится къ концу. По крайней мѣрѣ, Константинополь сосредо-

точиваеть на себѣ внимание всѣхъ европейскихъ державъ, благодаря своимъ замѣчательнымъ особенностямъ и выгодному географическому положенію, каковыя преимущества турецкой столицы привлекаютъ въ нее представителей разныхъ народовъ въ той же степени теперь (а, быть можетъ, и болѣе), какъ и полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, когда Босфоръ и Дарданеллы служили единственными путями для сношений народовъ Востока и Запада.

Чтобы дать Константинополю другое положение и назначеніе, существуетъ лишь одинъ способъ. Въ разныя времена затѣвались предпріятія, чтобы близлежащій къ Константинополю Измидскій или Никомедійскій заливъ продлить въ направлении къ Черному морю, образовавъ такимъ способомъ нѣчто подобное Суэзскому каналу, т. е. водный путь для прохожденія большихъ и малыхъ судовъ. Впервые къ этому предпріятію было приступлено королемъ Віенніи, и Пліній Младшій, бывшій въ то время здѣсь римскимъ преторомъ, представилъ подобный же проектъ императору Траяну. Этотъ планъ долго и много разъ обсуждался. Во времена турецкаго господства, въ царствованіе Сулеймана Кануни, былъ приготовленъ планъ прорытія канала въ упомянутомъ мѣстѣ, его архитекторомъ Синаномъ, а также въ царствованіе султана Мурада III его великимъ визиремъ Синанъ-пашею. Наконецъ, при султанѣ

Мустафѣ III французскіе и англійскіе техники снова взялись за это предпріятіе, но опять же безъ успѣха. Такъ оно и до сихъ поръ находится въ прежнемъ положеніи. Между тѣмъ, какъ осуществленіе этого плана значительно видоизмѣнило бы политическое значеніе Константинополя и тѣ отношенія, которыя поддерживали иностранцы въ Константинополѣ: они получили бы новое стремленіе и направленіе. Также не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подобное предпріятіе должно быть дѣломъ не турецкой работы, а международной, при чемъ большими суммами денегъ пожертвуютъ тѣ государства, которыя болѣе другихъ заинтересованы на Востокѣ. Что же касается до способа его осуществленія, то можно сказать во всякомъ случаѣ, что онъ будетъ стоить дешевле прорыва Суэзскаго или Коринескаго каналовъ, такъ какъ почвенная формациѣ этой части Малой Азіи не представляетъ особыхъ препятствій, что вполнѣ доказано образцовыми геологическими изслѣдованіями г. Чихачева. На основаніи чего мы можемъ сказать, что геологические слои этой мѣстности не окажутъ значительного противодѣйствія выполненію работъ, какъ это случилось при прорывѣ Панамскаго канала. Съ выполненiemъ же проекта значительная часть восточнаго вопроса рѣшится безъ дипломатіи и войны.

Подождемъ и увидимъ!

Константинополь можетъ пріобрѣсть еще и другое, большее значеніе въ томъ случаѣ, если водный путь Босфора будетъ приведенъ въ прямое сообщеніе съ воднымъ бассейномъ центральной Азіи, осуществленію чего не представляется никакихъ непреодолимыхъ препятствій.

Главнымъ образомъ, имѣется въ виду одинъ проектъ, соотвѣтствующій расположению и направлению тѣхъ путей, которые и встарину служили водными сообщеніями при естественныхъ условіяхъ течения рѣкъ.

Съвернѣе Кавказскаго горнаго кряжа текутъ въ противоположныхъ направленіяхъ двѣ рѣки. Одна изъ нихъ впадаетъ въ Азовское, другая—въ Каспійское море. Источники обѣихъ рѣкъ берутъ свое начало неподалеку другъ отъ друга и даже были нѣкогда соединены между собою, имѣли одно общее широкое русло (*Strombett*), составляя прямой и естественный водный путь между Азовскимъ и Каспійскимъ морями. Само Каспійское море имѣло тогда иное очертаніе береговой линіи, и Аральское море, находящееся теперь съ восточной стороны Каспійскаго, прежде въ отдѣльности не существовало, такъ что двѣ полноводныхъ рѣки Центральной Азіи, Сырь-Дарья (Яксартъ) и Аму-Дарья (Оксусъ), вливающіяся въ Аральское море, прежде впадали прямо въ Каспійское. Еще и по настоящее время можно видѣть прежнее, теперь безводное, русло Аму-Дарьи; оно имѣетъ направленіе къ Каспійскому морю и хотя

засыпано песками, но доступно изслѣдованию и измѣренію.

Въ виду подтвержденія изложеннаго, считаемъ необходиимъ сослаться на большую географическую карту венеціанскаго географа Fra-Mauro, начерченную въ 1459 году (*Camaldolese cartografo veneziano del secolo XV molte ignorate regioni d'Africa et d'Asia primo delineo*) и хранящуюся въ одной изъ дворцовыхъ залъ венеціанскихъ дожей. Эта карта представляетъ изображеніе всѣхъ водныхъ сообщеній того времени, о которомъ мы говорили въ изложеніи новаго проекта.

Существовавшіе водные пути служили въ былое время лишь средствомъ и аrenoю варварскихъ набѣговъ хищниковъ въ эту мѣстность, подвергавшуюся безпощадному разрушенію и уничтоженію встрѣчавшихся на пути сель и городовъ. Вследствіе же измѣненія климатическихъ условій видоизмѣнилось и направление рѣкъ, вообще водныхъ сообщеній, что наблюдается и въ настоящее время: напримѣръ, Волга въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно измѣнила свое теченіе.

Двѣ рѣки, текущія по сѣверному Кавказу, теперь отчасти судоходны. Хотя техническое выполнение этого въ высшей степени важнаго и многообѣщающаго предпріятія потребуетъ огромныхъ денежнныхъ затратъ, но въ то же время открываются и новые источники богатствъ; малонаселенная мѣстность заполнится переселенцами, что принесетъ не-

сомнѣнную пользу какъ государству, такъ и вообще человѣчеству, служа разсадникомъ цивилизаціи для странъ Центральной Азіи, а Константинополь будеть главнымъ центромъ сообщенія съ этими странами. Если Константинополь разсматривать съ точки зрѣнія цивилизаціи и современной культуры, то, вслѣдствіе своего положенія, онъ не будетъ нуждаться въ новыхъ территоріальныхъ приобрѣтеніяхъ путемъ завоеваній, равно какъ и въ свою очередь не подвергнется нашествію непріятеля, ибо онъ доступенъ всѣмъ народамъ безразлично и, несмотря на временное господство пѣкоторыхъ властителей, онъ удержалъ по сie время международный характеръ и тингъ. Впрочемъ, еще и то надо замѣтить, что мирнымъ путемъ вѣрнѣе достигается моральное преобладаніе, чѣмъ воиною.

Россія, какъ сильная военная держава, впушаетъ народамъ Востока невольное уваженіе, но ея моральное вліяніе не вездѣ и не всегда значительно и полновѣсно. Со времени начала борьбы изъ-за этой полосы земли на Босфорѣ, продолжавшейся между народами Азіи и Европы два тысячелѣтія, она продолжается еще и теперь между Россіей и западными государствами. Если стремленія азіатцевъ клонились къ достижению господства въ Европѣ и овладѣнію земельными участками, то теперь у европейцевъ имѣется въ виду достичь верховенства надъ Средиземнымъ моремъ и Азіею. Кромѣ того, Константи-

ионополь еще заключаетъ въ себѣ и дальнѣйшее развитіе восточнаго вопроса, имѣющаго особенно великоѣ значеніе, если разсмотрѣть самый предметъ по внутреннему смыслу. Рѣшеніе восточнаго вопроса въ тѣсномъ смыслѣ обозначаетъ освобожденіе поработленныхъ народовъ и преимущественно тѣхъ, которые и въ безпрестанной борьбѣ за свое существованіе наиболѣе сохранились и выказываютъ большоѣ стремленіе приблизиться къ новымъ задачамъ и требованіямъ современной цивилизациі.

Итакъ, Константинополь, бывъ нѣкогда центромъ цивилизаций, оказывалъ сильное сопротивленіе наступательному азиатскому варварству, какъ и теперь, находясь во власти турокъ, сопротивляется распространенію европейской цивилизациі, которая однако понемногу и постепенно прокладываетъ себѣ дорогу, чтобы потомъ занести свою просвѣтительную дѣятельность въ далекія страны Малой и Центральной Азіи, призываю къ свободѣ народы, находящіеся и до сихъ поръ подъ безчеловѣчнымъ и деспотическимъ игомъ азиатскихъ властителей. Такъ что можно сказать: изъ-за Константинополя еще и въ настоящее время продолжается то открытая, то скрытая борьба, въ которой принципы свободы, человѣколюбія и цивилизациі приходятъ въ соприкосновеніе съ устарѣлыми понятіями рабства и стѣсненій, въ силу чего «народы боятся межъ собой» и по глубокому смыслу Мефистофелевской ироніи:

«Sie streiten sich, so heisst's um Freiheitsrechte;
«Genau besehen, sind's Knechte gegen Knechte.

• • • •
«Ein offenbar Geheimniss, wohl verwahrt,
«Und wird nur spät den Völkern offenbart».

• • • •
Das ist der Lauf der Welt!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Введение	3
Условия быта и господства турокъ на берегахъ Босфора	10
Военно-сухопутныи и морскіи силы Турціи	26
Внутреннее состояніе Турціи послѣ войны 1877 года	31
Турецкій государственный принципъ и органическое раство- рение турецкой расы	40
Цѣльность Турціи и национальный принципъ ея христіан- скихъ народностей	43
Будущность грековъ	51
Народы Балканского полуострова	64
Отношеніе Россіи и западныхъ державъ къ балканскимъ народамъ	70
Будущность Константиноополя	94
Два проекта проведения водяныхъ путей между Чернымъ и Мраморнымъ и между Азовскимъ и Каспийскимъ морями	105

О П Е Ч А Т К А.

На стран. 38, снизу 8 строки, напечатано: контроль.
Должно быть: *капиталъ*.